И.С. МИНКИНА

Сказы Кавказа

издательство
ОФОРТ
Самара
2011

УДК 84-5(2Рос=Рус)
ББК 81-1-161.1
М62

Минкина И.С.
М62 Сказы Кавказа / И.С. Минкина ; [худож. В.М. Минеев]. – Самара : ООО «Офорт», 2011. – 122 с. : ил.
ISBN

В книге в поэтической форме изложены некоторые сказания, до настоящего времени бытующие на Кавказе. Сложно утверждать, что некогда всё происходило именно так, как повествуют эти «Сказы…», но не случайно издревле говорится на Руси: «Сказка – ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок…»

УДК 84-5(2Рос=Рус)
ББК 81-1-161.1

Автор выражает искреннюю благодарность Владимиру Геннадьевичу Пулину за предоставленные фотоматериалы

ISBN

© Минкина И.С., 2011
© Минеев В.М., иллюстрации, 2011
© Оформление. ООО «Офорт», 2011

ОТ АВТОРА

Дорогие читатели, друзья исторических преданий о далёком и близком прошлом нашей Родины!

Если вы поняли, о чём идёт речь, значит, мы с вами уже давно знакомы. Если нет, пусть «Сказы Кавказа» станут первой моей поэтической книгой подобного рода в вашей библиотеке.

Тема новой поэмы не совсем обычна даже для автора. Поэтому для начала позвольте задать вам вопрос: доводилось ли вам хоть раз в жизни бывать на Кавказе?!

Если да, значит, вам крупно повезло, ибо Кавказ – это особый, неповторимый мир с любой точки зрения: геологической, природной, этнографической. Если нет, искренне советую вам подумать о посещении этого удивительного уголка нашей планеты.

Правда, вы можете припомнить, что нынче там весьма неспокойно. Увы, на сегодняшний день вы правы. Но вот что хочется сказать по этому поводу: правители приходят и уходят, страсти вскипают и утихают, а народы, живущие рядом сотнями лет, остаются и продолжают жить бок о бок, укрепляя или расшатывая добрососедские отношения.

Пусть же эта поэма поведает вам о прекрасных человеческих чувствах и хоть на малую толику приблизит столь желанный всеми мир. Ведь в соответствии с волей Творца всем людям следует жить в мире, гармонии и любви.

Мне не один раз доводилось бывать на Кавказе, любоваться звёздным небом высоко в горах, встречать рассвет, почти мгновенно вспыхивающий из-за горных вершин, зачарованно смотреть на снега Эльбруса и Казбека на фоне голубого неба, бродить вдоль студёных горных ручьёв, которые вскоре превращаются в бурлящие реки, наблюдать парение орлов едва ль не у ног и покорность грозовых туч, стелющихся далеко внизу… Возможно, из грохота горных ручьёв и водопадов, из порывов студёного ветра с вершин, из самого эфира, пронизанного тайнами, а также, разумеется, из общения со случайно встреченными жителями тех удивительных мест родились эти «Сказы…»

Автор

В ОБЪЯТИЯХ КАВКАЗА
Размышления о поэме «Сказы Кавказа»

В объятьях Кавказа обманчива тьма,
Хоть чудится, будто слепа и нема.
И. Минкина

«Сказы Кавказа» - цикл из трёх самостоятельных поэм «Замок Любви», «Карагач», «Кольцо». Перед нами новая книга известного поэта Ирины Минкиной - большая радость для нас, её друзей и читателей. Но и сердечная тревога, даже искреннее сочувствие: это же какой огромный груз ответственности за произнесённое слово обрушивается на автора – за каждую строку, за каждую мысль, за каждое движение души! Думаю, Ирина должна быть спокойна и горда. Книга не просто получилась, состоялась – она, без сомнения, стала заметным явлением, а быть может, даже уникальным событием нашей литературной жизни.

Ирина Семёновна Минкина - мастер историко-эпической поэмы. Редкий в современной поэзии, сложнейший литературный жанр. Но с первых строк новой поэмы понимаешь, чувствуешь – это настоящая поэзия: тонкая, глубокая, многослойная, насыщенная скрытыми цитатами, богатая отсылками к многочисленным историческим и культурным реалиям, виртуозно исполненная, в меру зашифрованная. И при этом – увлекающая сюжетной динамикой, логичная, пленительно красивая. Язык отточен до лаконизма. Глубокая философия горькой жизненной правды. Правда чувства. Бесспорное литературное мастерство.

В ущелье, где грозно грохочет Чегем,
Одна из великого множества тем
Проникла в сознание, дабы причины
Далёких событий из Леты пучины
На свет проявились по воле Творца;
Покорно исполню её до конца..

(«Кольцо»)

В обращении к читателю автор признаётся в своей любви к неповторимому миру Кавказа с его «снегами Эльбруса и Казбека на фоне голубого неба, студёными горными ручьями, превращающимися в бурлящие реки, парящими едва ль не у ног орлами и стелющимися далеко внизу грозовыми тучами...» Итогом посещений этого волшебного уголка земли и стали «Сказы», созданные «из грохота горных водопадов, из порывов студёного ветра с вершин, из самого эфира, пронизанного тайнами...»

Да. Но, безусловно, ещё из бесценных вечных источников: из народных преданий, исторических повествований, поэтических легенд, кавказских народных сказок, наполненных мудростью и красотой и позволяющих лучше понять, почувствовать особенности миропонимания народов Кавказа:

С кавказских отрогов струится сказанье
Иным в утешенье, иным в назиданье;
Издревле вещает о чуде молва,
Являя всё новые краски, слова...

(«Кольцо»)

Это те истоки, духовное первоначало, откуда всё берёт своё происхождение. Известно, что народ, лишённый памяти о прошлом, не имеет будущего. Без «любви к родному пепелищу», полагал Пушкин, невозможно «самостоянье человека». Однако, не для всех и каждого так щедро «издревле струится предания вязь», раскрывая вековые тайны. А только тому, «в ком не остыла со временем кровь», кто по складу, по образу и духу своему бесстрашный воин и неутомимый путешественник, возможно, даже авантюрист, - легенды Кавказа служат источником страстного, сильного стиха. Ирина Минкина – наш вдохновенный «певец во стане русских воинов», по праву и по воле Творца заслужила

это богатство. И сторицей вернула его своим читателям – богатыми, глубокими, при этом совершенными по технике стихами.

Печаль в них перемешана с шуткой, философское откровение – с очаровательной по тонкости бытовой зарисовкой, история – с современностью, гнев – с нежностью. Всему, что есть в нашем грешном мире, и тому, что лучами света пробивается из мира горнего, нашлось место в поэмах Ирины:

Надежда и Вера в родстве у Любви;
На помощь какую из них ни зови,
Другие всегда обнаружатся рядом,
Для них дополнительной просьбы не надо;
По счастью нам всем от рожденья поры
Сопутствуют три неразлучных сестры.

(«Замок Любви»)

Бывают всякие времена, и хорошие, и дурные, но зло всегда остается злом, добро остается добром, красота - красотой, а безобразное - безобразным. Как ни ищи "новой нравственности", "новой поэтики" и "нового сознания"… В народе всегда жив непоколебимый нравственный и художественный инстинкт, и все, что есть во времени тёмного, подлого - рано или поздно уходит без следа. Здесь, собственно, речь идет уже о роли традиции в искусстве, которая действует как самая жёсткая цензура, отсеивая всё чуждое, наносное, и оставляя подлинно ценное. У древних народов бытовало мнение, что самое опасное в этом мире – причинять зло поэту, любить поэта или быть поэтом.

И творчество Ирины Минкиной во всём великолепии своём может быть отнюдь не безобидным – скажем, для тех, кого поэт обличает за ложь и жестокость. Нас убеждает в этом, например, образ сурового и мстительного князя Аликоне из первой поэмы «Замок Любви». Ударом меча сгоряча разрешает он случайные споры, и также беспощадно, без памяти радуясь умножению своего княжества и усилению власти, решает отдать замуж за богатого старика красавицу-дочь Дауту. Она же, как и положено в народной сказке, с самых юных лет любит бедняка Али. Однако... «для княжеской дочки - не пара пастух!» Лишь в самый последний миг владетельный князь почувствовал, «что суетность сущего – тлен», когда Даута без тени сомнения («упорства гранит»!) вслед за любимым бросается в пропасть...

Создатель! Отныне мне жизнь не мила;
Когда согласилась бы только скала,
Я б с ней, не чинясь, поменялся местами...,
Промолвил едва... и застыл словно камень.

Зло наказано - Аликоне превращается в скалу, навеки оставаясь безмолвным изваянием «в любую погоду, и в стужу, и в зной»:

Насуплены брови да губы поджаты,
Да взор отрешённый, хоть веки разъяты.
Он вроде и вправду стоит, не чинясь,
А всё же всех выше владетельный князь...

Знакомый сказочный сюжет?

Да. Но поэмы И. Минкиной менее всего можно назвать «сказками» в привычном нам смысле. Каждая история покоится на древней народно-поэтической основе, и эта легендарная основа ничуть не спрятана. Тогда как, например, древнейшая «сказка» Европы оторвалась от священных корней, превратилась в «бытовую» и ушла в балаган, благородным людям оставив лишь младших сестёр: сказки волшебную и героическую. Кавказ творил утончённые метафизические концепции, когда европейские рыцари ещё не умели читать. Кавказ учил Европу поэзии.

Каждая поэма Ирины – это попытка рассказать о чём-то, что лежит глубже фабулы. И возможность почувствовать Кавказ, вдохнуть его воздух полной грудью. Он пропитан любовью и кровью. Как, скажите, этот терпкий аромат воплотить в стихах? Ирине Минкиной блестяще удаётся погружение в окутанный таинственным маревом мир кавказских горцев. Она решительно ведёт читателя за собой меж грозных скал, гулких ущелий и обрывов - туда,

Где эхо водилось да горный ручей
Сливался с живительной влагой ключей,
Где ткалась колючей акации вязь...

(«Замок Любви»)

Стих её бывает напевным, будто голос муэдзина; порой – пышным и гладким, как обольстительная речь купца; в особых случаях – витиеватым и парадоксальным, словно мудрость суфия; и всегда прозрачно-чистым, как свежий ветер с вершин, как сам горный воздух Кавказа, где «скала над ручьём да ущелья капкан». Печать местного колорита выражается

в «Сказах Кавказа» не только и не столько в отдельных подробностях, сколько в едва уловимых нюансах эмоционального восприятия мира:

О том, что издревле вещает молва,
По-разному судят; однако слова
Скептических мнений далече мудры,
Но меркнут вблизи от приметной горы.
Тому, кто не видел её очертаний,
Принять нелегко непреложность преданий,
Но кто созерцал эту гору хоть раз,
Едва ль усомнится, прочтя этот сказ.

(«Кольцо»)

Удивительное дело, но рассуждая о поэзии, приходишь к выводу, что лирическое её начало гораздо устойчивее и прочнее, чем эпическое. Лирика объединяет эпохи и роднит самых разных людей. Героический эпос, изображающий события исторические, эпохальные, на самом деле с течением времени все более отдаляется от нас, уходит в прошлое: «Давно это было, за далью времён нельзя различить ни судеб, ни имён». Лирическая же составляющая всегда свежа и всегда современна. С глубокой древности «люди гадают про тайну земли: обитель Коварства иль замок Любви?!»

Тут каждый себе обретает ответ;
Суждений немало, единого нет.
Кто в поисках счастья изведал мытарства
В причудливых скалах увидит Коварство,
А в ком не остыла со временем кровь,
В развалинах замка приметит Любовь.

(«Замок Любви»)

Лирика воспринимается напрямую, сердцем, и становится сразу абсолютно ясно, что настоящее, а что всего лишь неловкая имитация и подделка. Здесь, впрочем, нельзя смешивать правду жизни и правду искусства. Ведь главная цель и задача искусства - не в буквальном следовании жизненной правде, а в сотворении красоты. Без гармонии и красоты немыслима и настоящая поэзия.

«Зачем красота в поднебесном просторе, коль спутником к ней неразлучное горе?», - в отчаянии восклицает княжеская дочь Даута, те-

ряя верного Джульбарса, - «Неужто судьбой мне нести суждено всем самым любимым несчастье одно?» Героиня поэмы поддерживает высокий градус священной страсти: «Одна лишь надежда осталась: в дали, за гранью меня поджидает Али...»

Отважно мелодична музыка поэмы и очарование её в том, что автор не пытается только пересказать эту историю, поднимаясь к гармоничному единству формы и содержания. Настоящий поэтический дар помножен на чуткое сердце. Можно сколько угодно рассуждать о тайнах поэтического искусства, можно достичь изумительного мастерства в огранке слов и подгонке их друг к другу (и таких примеров в нашей литературе великое множество), но слова так и останутся пустыми, и не будет в них никакой лирической силы, живого дыхания. В стихах Ирины чувство меры и гармонии, там звучит тот камертон, прислушавшись к которому, каждый из нас может верно настроить свой художественный вкус.

Однако, не хочется общими размышлениями спугнуть захватывающее ощущение трагической страсти, двигающей повествование:

Слагается слух не на почве пустой;
Да, водится эхо в расщелине той,
Зажатой сквозь грозных обрывов и скал,
Где чувство до страсти, а в страсти накал,
Где с былью как будто соседствует небыль,
Ступени уступов едва ль не до неба.
Колотится молотом сердце в груди...
Объятия вечности ждут впереди...

(«Замок Любви»)

Явленная в стихах красота совпала с нашим собственным представлением о ней. Нам только кажется, что всё течёт, всё изменяется. На самом деле изменения эти по большей части касаются внешних сторон жизни, духовная же сущность человека неизменна и постоянна. Жизнь всегда была трагична. Но красота, радость, доверие, нежность и верность в ней тоже были всегда. И страстная любовь, и преданная дружба, «которой понятия выгоды чужды».

Ведь друг настоящий – не смутная тень,
Из виду не скроется в пасмурный день...

Давнюю верность традициям дружбы свято хранят и не подводят «для рисков баланс», спасая от гибели героев поэмы, гордый красавец-Орёл и «товарищ весёлых недавних прогулок» пёс Джульбарс. Ещё один образ-символ – дервиш, мудрый седой старик («словно лунь, тонко выточен лик»). Именно он, «как будто бы знал всю историю прежде», произносит главные, ключевые слова поэмы «Замок Любви»:

Невзгоды осилит, кто верит Надежде,
Кто сердцем открыт, кому щедрость – не новь;
Ведь тело и душу врачует Любовь...

Во второй поэме – «Карагач» таким символом мудрости и спасения становится образ живущей в лесной избушке Ведуньи, «что знает про многие тайны, сужденья её не бывают случайны». И здесь побеждает святая Любовь, и «верится в чудо: за горестью тризн над миром всегда будет царствовать Жизнь!» Это сказано, как отчеканено, на все времена.

В третьей поэме «Кольцо» перед нами предстаёт новое чудо Любви («В скале объявилось большое кольцо; воистину, чудо Любви налицо») и чудо Природы:

Светило закатом края золотит,
В серёдке блистает небес лазурит;
Вблизи и вдали громоздятся повсюду
Роскошной оправою гор изумруды;
Пронизанный искрами солнечный луч
Вовнутрь норовит заглянуть из-за круч.
Тут сам повелитель качнул головой:
- Такое Любви лишь под силу одной....

«Природа не храм, а мастерская», - говорил Базаров, герой романа Тургенева «Отцы и дети». Но Ирина позволяет себе с ним не согласиться. Для неё природа – именно храм. Где всё трепетно, священно и исполнено особого значения. И в этом храме можно исцелить и душу, и тело, забыть о горестях и обидах, ощутить свою связь с Всеобщей жизнью на земле:

Но вот по вершинам скользнул из-за круч
Дневного светила сверкающий луч
И тут же растаял, померкло сиянье,
Раскинулся в небе шатёр мироздания –
От бренного мира до вечности мост,

Усеянный сплошь мириадами звёзд.
Затихло вдруг всё, затаилось вокруг,
Потока Арагвы стремительный звук
Не замер единственный. Горы и небо;
В мерцании звёзд то ли быль, то ли небыль...

(«Карагач»)

Описания древней природы Кавказа восхищают виртуозным умением автора всё многообразие оттенков жизни переплавить в стихи и при этом не нарушить их естественности и правдоподобия. В поэтическом строе так много красок, так щедро Ирина Минкина пользуется всей палитрой чувств, что внимательный читатель буквально видит,

....Как вьётся ручей меж обрывистых скал,
Как прячется в кромке морозной исток,
Чтоб чуть погодя, обернуться в поток;
Как шапки Эльбруса сверкают снегами,
Смыкаясь вплотную на кручах с лугами;
Как прямо на грани, чуть кончится лёд,
Случается встретить, подснежник цветёт.

(«Замок Любви»)

Какая-то скрытая пружина постепенно распрямляется в её стихах. С каждой страницей взгляд поэта становится всё строже и глубже. Духовные переживания, исторические параллели и бытовые наблюдения задают высокий тон, не обещая объяснений и готовых решений:

На всём отпечатался гордый покой;
До вечности тут дотянуться рукой
Возможно скорей, но представить едва ли
Те страсти, что некогда здесь бушевали.
Вопросы теснятся в душе, но ответ,
Увы, не спешит объявиться на свет...

(«Карагач»)

Читаю страницу за страницей, строфу за строфой, вживаюсь в образный строй, подстраиваю свой шаг под стихотворный ритм – и вдруг обнаруживаю такое щемящее родство со своей современницей, такое живое вплетение своих мыслей в ткань её сокровенных размышлений и переживаний, что невольно хочется отстраниться, отодвинуться на

безопасное расстояние. Есть в этих открытых, доверчивых, внешне простых стихах некая потайная сила, которая заставляет дышать с автором в унисон, шагать в ногу.

Мир души, живущий любовью, часто не признаёт реального мира человеческих законов. Это особый мир со своим внутренним зрением, темпоритмом, со своей мерой всего на свете и со своим дерзким правом на безумие:

Безумство, рождённое пылкостью чувств...
Ах! Что, если б не было в мире безумств?!
Зачахли б, наверное, жизни ростки
Без искренней страсти от скуки-тоски.

(«Замок Любви»)

Словно слышу негромкий голос Ирины, её неповторимую интонацию. Вбираю душой строку за строкой и напитываюсь её теплом и холодом, тревогой и горечью, надеждой и верой. Никогда не приноравливалась она к прихотям конъюнктуры, не вступала в соревнование с переменчивой поэтической модой, а шла своим трудным и честным путём. Среди открытий, предчувствий, заблуждений неизменным остаётся главное – выстраданный опыт её души и сердца. Какие бы перемены ни происходили, чем бы ни смущали наш доверчивый слух, рано или поздно перемены кончаются, туман лукавых слов рассеивается, остаются только вечные ценности и настоящие, «без всяких прикрас» герои:

Подобных им редко найдётся сейчас,
Таких, чтобы щедрыми были сердца,
Да верность истокам несли до конца,
Чтоб дух становился всё более смелым
В годину страданий, не словом, а делом
Стремился на помощь попавшим в беду,
Привычный извечно к любому труду.

(«Карагач»)

Снова и снова убеждаюсь, что только так, беззащитно и беспощадно к самому себе, нужно вживаться в настоящую поэзию, ведь иначе она пролетает мимо, словно свежий запах неизвестного бытия. А в нём, этом запахе, и боль, и грусть, с которых начинается человечность, в нём трагедии и несуразности эпохи, в нём праведность и греховность, честь и предательство, тьма и свет:

Нельзя оторвать зачарованный взор
От вечных снегов; обаяние гор
Вливается в сердце в такие мгновенья,
Скрепляет видений случайные звенья
В одну постижения чудную вязь,
Минувшего с будущим пестуя связь.
(«Карагач»)

А мы-то думали, что история есть прошлое, о котором остаётся писать научные диссертации и любознательные исследования. Оказалось – живое будущее, которое требует нас к суду.

Красота и мораль, эстетическое и этическое связаны друг с другом гораздо теснее, чем это кажется на первый взгляд. Красота в искусстве есть выражение добра и любви, безобразное - выражение страха и ненависти. Вот почему, вероятно, Достоевский так верил в силу красоты, ибо это последний твёрдый островок, на который может опереться человек и на котором он способен устоять. Творчество Ирины Минкиной - наш "твёрдый островок". Но остаётся непостижимой главная загадка поэзии - способность её задеть самые глубокие струны в душе читателя, пробудить целую бурю чувств и эмоций. Эта загадка, в сущности, так же необъяснима, как и загадка самой жизни.

Я закрываю прочитанную книгу, мучительно чеканя грусть: «Струится с кавказских отрогов сказанье иным в утешенье, иным в назиданье...»

Нахожу неуместным опережать впечатление читателя, демонстрируя свою беспристрастность и объективность. Нет, я отношусь к этой книге пристрастно. Более чем. И если мои дни хороши хоть чем-то, то нужно ли объяснять, в чём источник их случайной значительности? Спасибо, Ирина. Вдохновенно и восхитительно!

Александра Кишкурно,
Заведующая Литературной гостиной
МУК «Библиотека Автограда» г.о. Тольятти

ЗАМОК ЛЮБВИ

1

Грядами взбирается гордый Кавказ
К заоблачным высям, где встарь, про запас
Оправил он пики во льды вековые,
В ущельях секреты храня роковые.
Проточены скалы гремучей водой,
Удача на кручах граничит с бедой.

2

В предгорьях Кавказа обломки скалы
Вздымаются к небу, мрачны и голы.
А люди гадают об этой твердыне,
Что грозной стеною застыла доныне:
Какая в ней кроется тайна земли,
Обитель Коварства иль Замок Любви?!

3

Издревле струится предания вязь
О том, что когда-то владетельный князь
Стремился по жизни за счастьем в погоне,
А звали правителя князь Аликоне;
Когда он из башни своей выезжал,
И лист на чинаре[11] от страха дрожал.

---

[1] См. Словарь устаревших и редко употребляемых слов (*)

4

Соседи не смели воинственный меч
При нём обнажать, дабы головы с плеч
Не снял, осерчав, без суда, без закона
Суровый и мстительный князь Аликоне;
В обычае было решать сгоряча
Случайные споры ударом меча.

5

Капризы владыки не знали границ,
Подвластные жители падали ниц,
И в мыслях ему не решаясь перечить,
Не то чтоб вести откровенные речи.
Доводят до гибели правды слова,
Кому ж не люба на плечах голова?!

6

Наскучив охотой, в походный шатёр
Однажды спускался он вечером с гор,
Заметил у сакли*) красавицу - деву,
Которая, думы вверяя напеву,
Сидела одна, не укрыта чадрой*).
Зажглось ретивое*) привычной игрой.

7

Почуяв с прекрасным видением связь,
Застыл перед саклей владетельный князь;
В груди распалялось утехи желанье,
А новая жертва его на закланье
Прижалась к стене, неподвижною став,
Что кролик, на коего смотрит удав.

8

Вдруг невесть откуда красавец – джигит*)
Возник между ними, безумно сердит,
С отчаянным воплем любви и протеста;
Одно безрассудное слово «невеста»,
Понятливый нукер*), петлёю аркан,
Скала над ручьём да ущелья капкан

9

Протест храбреца довели до конца.
На деве тем паче не стало лица,
Упала на землю почти бездыханна,
Бледна, неподвижна, прелестна, желанна…
Её словно пёрышко князь подхватил,
Губами дыхания след ощутил,

10

Что кот, вожделенно ласкающий мышь…
Не кстати в пути повстречался дервиш*);
Увидев, что вместо охотничьей дичи
Иной увлечён повелитель добычей,
Заметил: - Не купишь богатством любви,
Не долог у праздника век на крови…

11

Разгневался князь: - Попритихни, монах,
Покуда свободен! В гранитных стенах,
Возможно, молитвы твои станут жарче,
Но мир не проведает этого, старче.
Отселе ступай и меня не гневи,
Тебе не доступны утехи любви…

12

Пичугою в клетке, живая едва
Душой возвращалась не раз и не два
К чудовищной сцене прекрасная дева
И вяла, что ветвь от родимого древа
Отъятая рока суровой рукой,
А слёзы струились в ладони рекой.

13

Напрасно властитель пред ней рассыпал
И жемчуг, и бисер, и яхонт*), и лал*).
Все кольца, браслеты, колье*) да монисты*),
Которые отблеском только искристы,
Не могут собою затмить белый свет;
Без воли ни счастья, ни радости нет.

14

Но князь Аликоне веленьем судьбы
Давно осознал: остальные – рабы;
Постичь не умея презренья к богатству,
Считал его блажью сродни святотатству,
Грехом, сокрушаемым властью во прах,
Чтоб сеять окрест поклоненье и страх.

15

К иным впечатлениям мира привык,
Он вдруг растерялся, запутался, сник,
В создании трепетном встретив упорство
Без тени жеманства, каприза, притворства,
Почуял, что суетность сущего – тлен,
И сам не заметил, как Гауре в плен

16

Попался душой как наивный юнец,
Который обрёл идеал, наконец.
С мольбой о прощении, жаждой признанья
В ответ на растущей любви излиянья
Он в башне теперь обретался, не страж,
Не князь, а покорный до робости паж.

17

Явилась ему откровения новь:
Впервые властитель за словом Любовь
Обрёл вожделенное таинство, чудо,
Что долгие годы таилось под спудом,
Чтоб искрою вспыхнуть в прозрения миг,
Невинный, как первый младенческий крик.

18

Исполнился данный природою срок,
Но следом Коварство взошло на порог:
Рожденье и гибель слились в одночасье,
Скреплённые вместе неведомой связью,
Чтоб князь Аликоне изведал сполна
Весь ужас, когда молодая жена,

19

Столь полная жизненной силы вчера,
С ним солнца восход не застала с утра.
Впервые зашлось ретивое от стона,
Впервые взял на руки князь Аликоне
Прелестный бутон в кружевном полотне,
Не чуя себя, словно в призрачном сне.

20

Пытаясь развеять на сердце тоску,
Из башни умчался он, вдруг на скаку
Заметил застывшего в каменной нише
В молитвенной позе седого дервиша,
Подъехал поближе: - Ты прав был, монах;
Не долго гостила в роскошных стенах

21

Прекрасная пташка. Быть может тебе
Открыто грядущее в нашей судьбе?!
Тогда не таи, но поведай тем паче,
Совсем ли я должен забыть об удаче?
Не бойся мне высказать правду теперь,
Карать я не стану, на слово поверь.

22

- Немало знавал я судеб на веку, -
Ответил отшельник: - А ныне реку:
Страшись, чтоб замужество дочери разом
Твоим не явилось погибельным часом.
Покайся в минувшем, живи без греха.
Опасность возможна и от пастуха…

23

Задумался князь, осознав, наконец,
Себя в новом качестве, ныне – отец;
С рождением девочки сразу, без спора
Хранителем сделался ей и опорой
Властитель округи; законную дочь
Ему даровала минувшая ночь.

24

И прежде всего для малютки – княжны
Заботы кормилицы стали нужны.
Нашлась таковая в одном из аулов*);
Не требуя щедрых от князя посулов*),
Душой принимая чужую беду,
Ответила кротко: - Конечно, пойду…

25

Казалось, без сна, от утра до утра
Сиротку – княжну опекала Зухра,
Деля материнскую страсть вполовину:
Одну для Дауты, вторую для сына.
Так в княжеский дом ненавязчиво вновь
На смену Коварству вернулась Любовь…

26

Шли годы. Даута – княжна и Али
Играли, дружили и вместе росли.
Со временем вышли младенчества сроки,
Наследницу князь усадил за уроки,
Зухру одарил и в недальний аул
На прежнее жительство с сыном вернул.

27

Но в сердце невинную детскую связь
Нельзя разорвать. Не додумался князь,
Что чем мимолётнее редкие встречи,
Тем жарче объятья и пламенней речи,
Тем паче стремится вместить голова
Особого смысла в простые слова.

28

Сбежав от надзора, княжна и Али
Порой безмятежно беседы вели
В укромном углу, поверяя друг другу
Заветные тайны. Изведав округу,
Словами что красками он рисовал,
Как вьётся ручей меж обрывистых скал,

29

Как прячется в кромке морозной исток,
Чтоб чуть погодя, обернуться в поток;
Как шапки Эльбруса сверкают снегами,
Смыкаясь вплотную на кручах с лугами;
Как прямо на грани, чуть кончится лёд,
Случается встретить, подснежник цветёт.

30

Что дивную сказку из детского сна
Вбирала, рассказам внимая, она.
В общении час пролетал как минута.
Грамматике друга учила Даута;
Чтоб более тайн он сумел разгадать,
Давала любимые книжки читать.

31

Однажды поведал Али о былом:
Как встретил орлёнка с подбитым крылом,
Случайную жертву последней охоты,
Как выходил птицу, как с первого взлёта
Орлёнок над саклею выписал круг,
Вернулся проститься и скрылся не вдруг.

32

Потом по весне, чуть подснежник зацвёл,
К нему прилетел не орлёнок, Орёл
С повадкою гордой, пронзительным взглядом
И сел на скалу, что за саклею рядом;
Казалось, Али он поведать хотел
Свою благодарность и с тем прилетел…

33

Как встарь неприметно струились года;
Дай Бог, чтобы так оставалось всегда!
Даута, когда становилась постарше,
Час от часу делалась краше и краше;
В наследство от Гауры выпали ей
Изящество стана и томность очей,

34

Упругость движений и бархат ланит*),
Певучая речь… да упорства гранит.
Как в детстве Даута любила прогулки
Меж скал и обрывов, в расщелине гулкой,
Где эхо водилось да горный ручей
Сливался с живительной влагой ключей,

35

Где ткалась колючей акации вязь.
Прогулки (увы!) не приветствовал князь,
Случалось, говаривал дочке сердечно,
Что слишком наивна и слишком беспечна.
А кручи суровы без всяких прикрас;
Дауте щенок был подарен Джульбарс

36

Защитой от всех нежелательных встреч,
А пуще, чтоб княжий покой уберечь,
Избавив отца от излишних волнений.
Сошёлся щенок без досужих сомнений
Практически сразу и с другом княжны,
Приметив, сколь их отношенья нежны.

37

За днями недели, и вот уже пёс
Почти на глазах ненароком подрос.
Слабейшие звуки внутри и снаружи
Ловили уверенно чуткие уши.
Одно не вмещал он сознаньем своим:
Почто им домой возвращаться двоим,

38

Когда веселее втроём искони*)?!
Над пропастью мост отыскали они
Из двух перекинутых наискось брёвен,
Который на взгляд был непрочен, неровен;
Ступить на него не решилась княжна,
Да есть ли какая-то в этом вина?

39

Препятствий Даута пугалась слегка,
Хотя оставалась смела и ловка,
Любя обретать впечатлений новинки.
Соперничать с нею в задорной лезгинке*)
Никто из окрестных красавиц не мог,
А мир на оценки придирчив и строг.

40

К тому же богаче Дауты невест
Не значилось вовсе в ту пору окрест.
Но только соседи о свадебной цели,
Посватать княжну, и подумать не смели.
Страшила как встарь аликонова власть,
Хоть ласковей норовом сделался князь…

41

Однажды явился к ним дальний сосед,
И стар, и капризен, и грузен, и сед,
Привычен сметать по дороге препоны,
Едва ли моложе, чем сам Аликоне;
Заехал недельку всего погостить,
Да чарку за давние дни пропустить.

42

Желая пышнее украсить досуг,
Хозяин извёл повеленьями слуг;
Вдобавок, чтоб действо текло без заминки,
Позвал и Дауту для бойкой лезгинки,
Напомнить приятелю прежний задор,
А с ним и присущий для юности вздор.

43

Никто и помыслить не мог бы всерьёз,
Что гостя лезгинка прохватит до слёз;
Ему померещилось: резвая юность
В романтике танца с Даутой вернулась;
Рассудка лишив, вожделения страсть
Нахлынула в сердце, вступила во власть;

44

Ему уже надобно руку княжны,
Иные утехи совсем не нужны,
Скорей бы обряд совершить по закону…
Смутился сперва даже князь Аликоне,
В душе не готовый так выпустить вдруг
Любимую дочку, что пташку из рук.

45

Однако вестимо: кто слишком богат,
Тот росту богатства без памяти рад.
Слиянием княжеств удвоится сила,
Какому властителю это не мило?!
В душе Аликоне то князь, то отец
Брал верх, но отец уступил, наконец,

46

Не чуя за этим решением бед;
Пусть станет за сына богатый сосед.
Отцовскую волю узнала Даута
И чувства лишилась, но князь почему-то
Ничуть не смутился мельканием лиц,
Такое уж свойство у юных девиц.

47

Очнулась Даута усердием слуг
И сразу к отцу с покаянием вдруг
О том, что всем сердцем давно полюбила,
Что жизнь без Али и пуста, и постыла…
Но князь отмахнулся от слов, что от мух:
- Для княжеской дочки – не пара пастух…

48

Вот в княжеском замке готовят обряд,
Для бедной Дауты ужасный стократ,
А дева в мечтах призывает свиданье:
Разок бы увидеть Али на прощанье;
Спасибо, что весточку в горы с утра
Отправила, просьбе внимая, Зухра.

49

Спускается вечер. Последняя ночь.
Княжне ожидание стало невмочь.
Что, если Али не успеет приехать?
А вдруг, да задержит какая помеха?...
Всё кончено, поздно, моли не моли…
Но дрогнуло сердце... Приехал! Али…

50

Сквозь тучи холодная смотрит луна.
А ночь на Кавказе душна и темна.
Последняя встреча Али и Дауты,
Да первые робких признаний минуты
О чувстве, которое бродит в крови,
О чистой, невинной и светлой Любви.

51

- Для счастья не надобно пышных хором,
Давай убежим, век трудом проживём.
Зачем тебе старец, в богатстве убогий?
Под сенью Эльбруса мы станем как боги;
Ты там обретёшь всё богатство земли, -
Дауте шептал, умоляя, Али.

52

Слова его, чаша хмельного вина,
Кружили ей голову, только княжна
Страшилась немного: - А если погоня?!
Ужели отступит сам князь Аликоне
От данного слова?! Тому не бывать,
Выходит, влюблённым и несдобровать…

53

- А коль не отступит, - ответил Али:
- Не знает он сам ничего о Любви.
Останемся мы хоть для вечности вместе,
Как следует быть жениху и невесте.
Долой колебания, близок рассвет.
Удачи в горах нерешительным нет.

54

- Навеки скреплён наш с тобою союз,
Бежим, я уже ничего не боюсь, -
Отбросив сомненья, решилась Даута
Судьбу изменить своевольно и круто;
Безумство, рождённое пылкостью чувств…
Ах! Что, если б не было в мире безумств?!

55

Зачахли б, наверное, жизни ростки
Без искренней страсти от скуки - тоски.
Али обнадёжил: - В ауле есть кони,
Добраться бы только туда до погони…
К решимости нужен приемлемый план,
Иначе споткнётся мечта об обман.

56

Однако немало придирчивых глаз
Следило за бедной Даутой в тот раз;
Где сила Любви не страшится мытарства,
Там Алчность отыщет лазейку Коварства:
Награда обещана князем, чтоб в ночь
Не бросила вызов отчаянья дочь.

57

В объятьях Кавказа обманчива тьма,
Хоть чудится, будто слепа и нема.
Влюблённые только пустились в дорогу,
Уж кто-то заметил, забили тревогу;
И вскоре открылось: в аул не пройти,
Туда перекрыты тропинки - пути.

58

Случайно ли, нет, а припомнился мост,
Скала, на которую доступ не прост,
Со всеми, похоже, забытой тропою.
Хотя бы на время, быть может, укроет
Убежище это двоих беглецов,
Пока образумится норов отцов…

59

Даута едва пересилила страх,
Покуда Али нёс её на руках
По двум перекинутым наискось брёвнам;
К неведомым скалам и гротам укромным
Стремилась уставшая за ночь душа,
Свободой вздохнуть норовя, не спеша.

60

Одно обстоятельство, только одно
Забыли друзья; объявилось оно
Внезапно, как гром среди ясного неба.
И всё кувырком, то ли быль, то ли небыль.
Где можно укрыться от вражеских глаз,
Там выявит дружба все тайны тотчас.

61

Сначала прислуга искала сама,
От страха за свой недогляд без ума;
Но только посмели сказать Аликоне,
Он следом Джульбарса направил в погоню.
Дауту едва по мосту перенёс,
Али оглянулся, а рядышком пёс.

62

Влюблённые даже не поняли враз,
Откуда вблизи объявился Джульбарс,
Пока не узрели в недальней округе,
Что к ним перебежками движутся слуги,
Штурмуя подъём, задыхаясь в пути.
Тропинка в тупик завела, не уйти.

63

- Любовь одолеет препоны земли, -
Дауту обнял на прощанье Али:
- Для вечности хоть, но останемся вместе,
Как следует быть жениху и невесте;
В объятья прими нас, небесный аул…, -
Сказал и бестрепетно в пропасть шагнул.

64

Всего на мгновенье разжалась рука.
Даута вослед было… Вдруг от толчка
Она опрокинулась навзничь у края
Распахнутой бездны. В сердцах замирая,
Приблизились люди, но яростный пёс
В скалу, зарычав, изваянием врос,

65

В защиту хозяйки на всех ополчась.
Покуда добрался растерянный князь
На гребень скалы к злополучному месту,
Покуда увидел беглянку - невесту,
Покуда прислуга её подняла,
В смятеньи никто не приметил Орла,

66

Который неведомым чудом возник
Вблизи от обрыва в критический миг
И камнем свалился, преследуя друга,
Схватил, налегая на крылья упруго,
Встряхнул потерявшего чувства Али
Почти на пределе, у самой земли.

67

Очнулся джигит и не понял сперва,
Как смог уцелеть: на плечах голова,
Не ранен, на месте и ноги, и руки,
Лишь сердце терзается мукой разлуки.
Пытаясь подняться, он птицу задел,
Спасителя только в тот миг углядел.

68

Тут более прежнего гордый Орёл
В глазах молодца уваженье обрёл
За давнюю верность традициям дружбы,
Которой понятия выгоды чужды.
Ведь друг настоящий – не смутная тень,
Из виду не скроется в пасмурный день…

69

Али чуть не вскрикнул, немного привстав;
Похоже, в момент приземленья сустав
На левой ноге невзначай подвернулся;
В страдания омут он тут окунулся
И, челюсти стиснув, пополз по скале,
Сочувствие тем пробуждая в Орле.

70

Нашёл, наконец, углубление, грот,
Над щелью зауженной каменный свод
С кустами акаций у самого входа,
Убежище, ежели вдруг непогода.
Забрался Али через силу туда,
Лишь тут осознав, что иначе – беда.

71

Не ливень, опаснее княжеский гнев…
Орёл, ненадолго меж тем улетев,
Вернулся и пышную кисть винограда
Принёс, положил с осторожностью рядом
И взглядом заверил: - Не бойся, вдвоём
Напасть эту в пыль мы с тобой перетрём...

72

Даута тем временем в замке бледна,
Недвижна лежала, тиха, холодна;
Присутствие жизни одно лишь дыханье
Едва выдавало; отцовскою дланью*)
Не раз проверялся в запястии пульс:
Жива б оставалась, без памяти пусть.

73

С досадой уехал рассерженный гость,
На слугах без жалости выместив злость,
Надежды на скорую свадьбу не видя,
На всю поднебесную в горькой обиде.
В груди Аликоне клокочущий гнев
Копился, объект отыскать не сумев.

74

Настало мгновенье (хвала небесам!),
Княжна наконец-то открыла глаза,
Окинула взором вокруг: всё обычно,
Спокойно по-прежнему, с детства привычно;
Из девичьих уст слабый вырвался стон:
- Что было со мной, то ли явь, то ли сон?!

75

Прислуге наказ был: заставить забыть
Княжну о минувшем иль вовсе не быть.
Привычка к покорности зреет годами;
Простыми словами, пустыми делами
Её наяву увлекали ко сну,
Страшась на минуту оставить одну.

76

Княжна оживала у всех на глазах,
Но князя охватывал всё-таки страх
За дочку: а далее ладно ли будет?!
Меж тем отыскались досужие люди,
Пустились судачить, жалея Али,
Дауте в укор о Коварстве Любви.

77

А вскоре (забрезжило только с утра)
Тайком объявилась в покоях Зухра
И сразу к Дауте с вопросом единым:
Поведать всю правду, что с сыном родимым?!
Увидев кормилицу - мамку в слезах,
Княжна удивилась; та с мукой в глазах

78

Воскликнула: - Видно, повадки в крови!
Судачат не зря о Коварстве Любви...
- Коварство Любви?! – Растерялась Даута
И вспомнила всё в этот миг до минуты,
Когда, уповая на горний*) аул,
Бестрепетно в пропасть любимый шагнул.

79

Зухра уточнила: - Его не нашли;
Вторично казнил бы наверно Али
Разгневанный князь, если б только на свете
Несчастного сына он где-нибудь встретил.
Зачем он не слушал родимую мать?!
Зачем согласилась она его звать!...

80

Зухры причитания что водопад
Хлестали по сердцу, попав наугад;
Даута в потоке сперва захлебнулась,
Но вскорости к деве решимость вернулась:
Узнает весь свет, что не робкая суть,
Никто не посмеет потом упрекнуть.

81

Как пташка торопится прочь от гнезда,
Которое вдруг осквернила беда,
Вот так и Даута стремглав упорхнула
Из замка. Тропа в стороне от аула.
Скала, на которую доступ не прост.
Распахнута пропасть да наискось мост.

82

Бесследно растаял в сознании страх.
Она, словно дикая серна*) в горах,
Над пропастью лёгкою тенью мелькнула,
Назад оглянулась… и брёвна толкнула,
Последний момент упредив в самый раз,
Когда настигал её в беге Джульбарс.

83

Как вкопанный замер у пропасти пёс,
Всем видом своим изъявляя вопрос,
Готовый рвануться по первому знаку
Любимой хозяйки хоть в омут, хоть в драку;
Вдруг вспомнил он, где-то отсюда вблизи
Толчком он недавно беду отразил,

84

А нынче стоит над обрывом одна
Совсем беззащитна хозяйка - княжна…
Тревога нахлынула в сердце Джульбарса.
(А ложной она не бывала ни разу!)
Решил он, не так уж далече скала,
И бросился следом (была, не была!)

85

Достиг бы, наверное, цели Джульбарс,
Когда б не осклизлые камни, тотчас
Он вниз покатился по скальным уступам.
Кому-то поступок покажется глупым,
Когда не велик к достижению шанс;
Но друг не подводит для рисков баланс…

86

По счастью сумел зацепиться за сук
Бедняга, в падении выписав круг,
Прижался к уступу и слился с горою,
Всем телом дрожа да вздыхая порою…
- О, Боже! – Даута сдавила виски:
- Все гибнут, кто бедному сердцу близки!

87

Неужто судьбой мне нести суждено
Всем самым любимым несчастье одно?
Зачем красота в поднебесном просторе,
Коль спутником с ней неразлучное горе?
Одна лишь надежда осталась: в дали,
За гранью меня поджидает Али.

88

Любимый, в разлуке забыла я страх,
Останется имя твоё на устах…
Тут зов Аликоне, что грома раскаты,
Донёсся: - Даута! Не прыгай, не надо!
Опомнись! Верни ей рассудок, Творец!...-
К вершине спешил, умоляя, отец:

89

- Дитя моё! Жизнью своей не играй!...
Меж тем, чуть подвинулась дева на край,
Почудился голос Али где-то рядом,
И он словно эхо: - Не прыгай, не надо!...
Слагается слух не на почве пустой;
Да, водится эхо в расщелине той,

90

Зажатой средь грозных обрывов и скал,
Где чувство до страсти, а в страсти накал,
Где с былью как будто соседствует небыль,
Ступени уступов едва ль не до неба.
Колотится молотом сердце в груди…
Объятия вечности ждут впереди…

91

- Али! Мне подай хоть какой-нибудь знак;
Встречай…, - и решительный сделала шаг,
Исчезла из вида прекрасная дева,
И всё опустело и справа, и слева
На гребне скалы без Дауты – княжны,
Мольбы и призывы уже нужны…

92

Вскричал Аликоне: - Что сделала ты?!
Разбила надежды, разбила мечты…
Даута, откликнись! Куда запропала?
Счастливее князя и голые скалы,
И этот дроблёный камнями ручей,
Который потери не знает ничьей.

93

Создатель! Отныне мне жизнь не мила;
Когда согласилась бы только скала,
Я б с ней, не чинясь, поменялся местами…, -
Промолвил едва… и застыл словно камень.
С тех пор Аликоне, суров и сердит,
С расщелиной рядом скалою стоит.

94

В любую погоду, и в стужу, и в зной,
Возможно застать его в позе одной:
Насуплены брови, да губы поджаты,
Да взор отрешённый, хоть веки разъяты.
Он вроде и вправду стоит, не чинясь,
А всё же всех выше владетельный князь…

95

А что же Даута? Как вынес Али,
Взирая на горькую гибель любви?!
Скала отделила отца от Дауты,
Не мог Аликоне узреть ту минуту,
Когда её горный Орёл подхватил
За платье и в руки Али опустил.

96

И юный джигит не приметил тот миг,
В который неведомым чудом возник
Орёл над скалою в эфире пространства
Чтоб прахом развеять интригу Коварства.
Тут промыслом свыше, наверное, вновь
На смену Коварству явилась Любовь.

97

Почти без сознанья, не чуя себя,
Даута прильнула к Али, теребя
Ладонью плечо обретённого друга:
- Навеки мне выбрало сердце супруга, -
Шепнула, какое-то время спустя,
И стала молить его, словно дитя:

98

- Навеки с тобою. Но милый Али,
Во имя счастливой и светлой Любви
Достать постарайся, не медля ни часа,
Разбитое тело бедняги Джульбарса;
Чтоб счастье у нас не зачахло во зле,
Пристойно предать его надо земле…

99

Она прошептала, и вся недолга;
Меж тем у джигита больная нога
К моменту тому не совсем оклемалась;
Стараясь прихрамывать самую малость
С надеждой укрыть от невесты беду,
Пустился Али штурмовать высоту.

100

По счастью не столь уж высокий подъём
Пришлось одолеть, да не ночью, а днём,
Без спешки наверх выбирая дорогу.
Насилу добрался Али, понемногу
Вбирая уверенность в силах своих.
(Отныне ведь надобно их на двоих!)

101

Глядит, примостился, тихонько скуля,
На малом уступе (с подкову земля!)
Товарищ весёлых недавних прогулок,
И словно проник в потайной закоулок
Собачьей души, что в горючих слезах
Страдала от боли - тоски на глазах.

102

Но главное было отрадно: живой!
Тихонько, рискуя подчас головой,
Спускался Али с драгоценною ношей
К подножью; казалось, не выдержать больше,
Такую махину нести на себе,
Тем более вниз, не по ровной тропе…

103

И всё же спустился, как Бога просил,
Истратив последнюю толику сил,
На землю упал, прижимая Джульбарса
К груди, не смотря, что тяжёлая масса
Его продолжала как прежде давить;
Итог испытания: пёс будет жить.

104

Надежда и Вера в родстве у Любви;
На помощь какую из них ни зови,
Другие всегда обнаружатся рядом,
Для них дополнительной просьбы не надо;
По счастью нам всем от рожденья поры
Сопутствуют три неразлучных сестры.

105

- Что делать? – Даута метнулась к друзьям:
- Могу ли облегчить страдания вам?!
Она оглянулась, не слыша ответа,
Как будто он спрятался рядышком где-то,
И видит, бредёт по тропинке старик,
Седой словно лунь, тонко выточен лик

106

Да полон участливой мудрости взор;
Приблизился, сразу завёл разговор,
Как будто бы знал всю историю прежде:
- Невзгоды осилит, кто верит Надежде,
Кто сердцем открыт, кому щедрость – не новь;
Ведь тело и душу врачует Любовь…

107

Добавил, подумав: - Всё сбудется в срок;
Внизу по теченью ручья есть исток,
На вкус и на запах немножко он странный;
Промой тою влагой кровавые раны,
Испить дай не менее дюжины раз
С Любовью и Верой; ступай, в добрый час…

108

Даута отвесила низкий поклон;
Дервиш (это был, разумеется, он)
Кивнул напоследок, пустился в дорогу,
Всё ближе и ближе молитвами к Богу…
Ту влагу, что столь благотворна для ран,
Со временем люди прозвали «нарзан».

109

Любовь приняла благодарно совет.
С тех пор не известно, сколь минуло лет.
Все вехи судьбины Али и Дауты
За далью времён различаются смутно.
Их жизнь протекала, где неба простор
Смыкается тесно с морщинами гор.

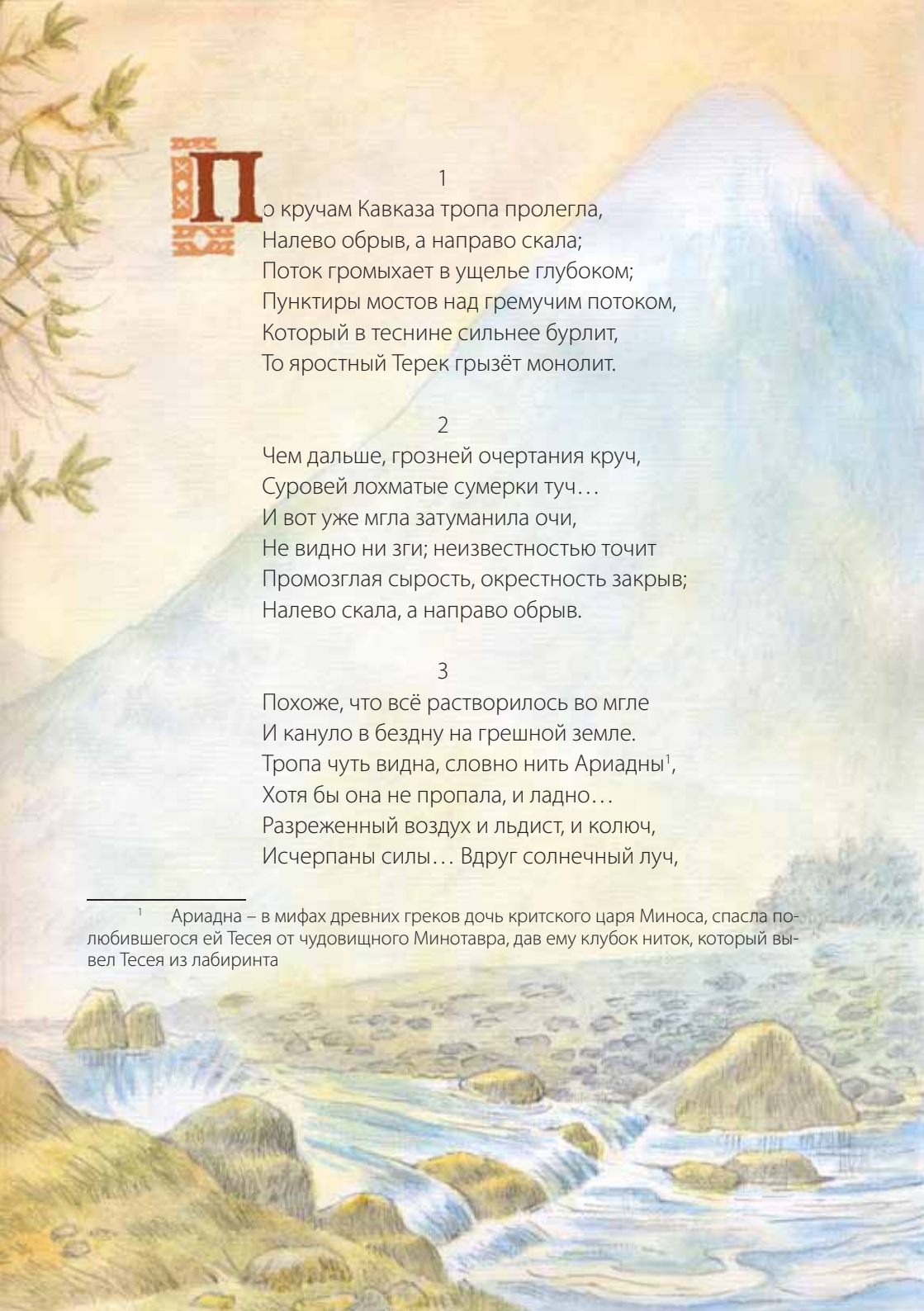
110

А где обретался владетельный князь,
Струится издревле предания вязь,
Сплетаясь вокруг очертаний твердыни;
Уж так повелось и ведётся доныне,
Что люди гадают про тайну земли:
Обитель Коварства иль Замок Любви?!

111

Тут каждый себе обретает ответ;
Суждений немало, единого нет.
Кто в поисках счастья изведал мытарства
В причудливых скалах увидит Коварство,
А в ком не остыла со временем кровь,
В развалинах Замка приметит Любовь.

КАРАГАЧ



1

По кручам Кавказа тропа пролегла,
Налево обрыв, а направо скала;
Поток громыхает в ущелье глубоком;
Пунктиры мостов над гремучим потоком,
Который в теснине сильнее бурлит,
То яростный Терек грызёт монолит.

2

Чем дальше, грозней очертания круч,
Суровей лохматые сумерки туч…
И вот уже мгла затуманила очи,
Не видно ни зги; неизвестностью точит
Промозглая сырость, окрестность закрыв;
Налево скала, а направо обрыв.

3

Похоже, что всё растворилось во мгле
И кануло в бездну на грешной земле.
Тропа чуть видна, словно нить Ариадны[1],
Хотя бы она не пропала, и ладно…
Разреженный воздух и льдист, и колюч,
Исчерпаны силы… Вдруг солнечный луч,

[1] Ариадна – в мифах древних греков дочь критского царя Миноса, спасла полюбившегося ей Тесея от чудовищного Минотавра, дав ему клубок ниток, который вывел Тесея из лабиринта

4

Врывается в сумрак, мечту перемен
В душе возрождая тревоге взамен.
Туманная слякоть светлее и реже…
Иными становятся вроде бы те же
Студёные тучи, подъёма итог –
Покорно их локоны вьются у ног.

5

А выше, простор только взором окинь,
Над бархатом туч безмятежная синь
И белый сверкающий профиль Казбека,
Который, с какого неведомо века,
Взирает на главный хребта перевал,
Где некогда крест величаво стоял[1].

6

Нельзя оторвать зачарованный взор
От вечных снегов; обаяние гор
Вливается в сердце в такие мгновенья,
Скрепляет видений случайные звенья
В одну постижения чудную вязь,
Минувшего с будущим пестуя связь.

[1] Крестовый перевал на высоте 2379 м через Главный Кавказский хребет получил название от креста, установленного в 1824 году для обозначения перевала. Его видели А.С. Пушкин, А.С. Грибоедов, М.Ю. Лермонтов, сейчас креста уже нет

7

В душе за вопросом теснится вопрос,
Кто горные гряды до неба вознёс?
Какие водились тут силы лихие,
Что им покорялись земные стихии?
Кто смог обуздать их, давая отпор,
И сколько столетий минуло с тех пор?

8

Но снежную шапку надвинул Казбек;
Суровостью веет от сомкнутых век,
Глубоких морщин да от позы угрюмой;
Наверно объят он безрадостной думой;
Не глядя окрест, молчаливо стоит
Бесстрастный, холодный, немой монолит.

9

На всём отпечатался гордый покой;
До вечности тут дотянуться рукой
Возможно скорей, но представить едва ли
Те страсти, что некогда здесь бушевали.
Вопросы теснятся в душе, но ответ,
Увы, не спешит объявиться на свет…

10

Спускаться приходится с горной гряды,
Хоть жаль покидать гордый мир высоты.
Тропа вдоль Арагвы бежит с перевала,
Случайно доводит до точки привала,
Над коей ревнителем*) сил и удач
Растёт у ребристой скалы карагач*).

11

Уносится вдаль ледниковый поток,
Отчаянно лих, но совсем не широк;
Ветвятся, сливаются, мечутся струи
То грозно рыча, то небрежно воркуя,
А слева и справа сжимают простор
Холодные пики темнеющих гор.,

12

Но вот по вершинам скользнул из-за круч
Дневного светила сверкающий луч
И тут же растаял, померкло сиянье,
Раскинулся в небе шатёр мирозданья -
От бренного мира до вечности мост,
Усеянный сплошь мириадами звёзд.

13

Затихло вдруг всё, затаилось вокруг,
Потока Арагвы стремительный звук
Не замер единственный. Горы и небо;
В мерцании звёзд то ли быль, то ли небыль…
В объятиях тьмы обостряется слух;
Почудилось, нет ли, но ильмовый дух

14

Листвой зашуршал, затевая рассказ,
Невольная дрёма рассеялась враз.
- Узнать захотелось о думах Казбека?
Мельчает со временем нрав человека, -
Вздохнул карагач; ледяная вода
Откликнулась, вторя по своему: - Да-а….

15

Не ведаю, явь то была или сон;
Запомнился сказ, что поведал мне он:
- Когда рассекая земные просторы
Вздымались на ровной поверхности горы,
Герои здесь жили; без всяких прикрас
Подобных им редко найдётся сейчас,

16

Таких, чтобы щедрыми были сердца,
Да верность истокам несли до конца,
Чтоб дух становился всё более смелым
В годину страданий, не словом, а делом
Стремился на помощь попавшим в беду,
Привычный извечно к любому труду.

17

Один среди этих героев джигит
Был удалью более всех знаменит;
Джигита того величали Эльбрусом,
Была и жена у него с тем же вкусом,
Привычками теми же, истинно клад;
В семейном союзе и мир был, и лад

18

Столь прочный, как то заповедал Господь,
Что дух стал един и единою плоть.
Единое имя Эльбруса по праву
Оставила паре летучая слава;
С тех пор очутился двуглавым герой,
Одна голова чуть повыше второй.

19

Смиряли столетия страсти накал,
Эльбрус, умудрённый судьбой аксакал,
Не силою правил, разумным советом;
Гонцами ручьи разбегались по свету,
Окрест разливая воды серебро,
Даруя живительной влагой добро.

20

Округа питалась от этих щедрот,
Цвела без особых тревог и хлопот.
Не важно, коротким был век или длинным,
Но было в семье у Эльбруса три сына;
Все трое по нраву, по стати в отца,
Пылали огнём молодые сердца,

21

Отвага сквозила и в дерзких речах,
И в грозных, сияющих страстью очах.
Сынов аксакала, Кавказу во славу,
Назвали Казбек, Арарат и Бештау;
Дружили все трое с младенческих пор,
У них не водилось обид или ссор.

22

Едва обрели они мужества стать,
По свету отправились счастья искать.
Казбек, самый старший, подался к востоку,
Нашёл себе долю - судьбу недалёко;
С родными пенатами тысячи лет
Он держит под властью Центральный хребет –

23

Кавказа всего становую гряду,
Храня безупречно его высоту1.
А Терек с Арагвою, старшие дети,
В долины разносят скорее, чем ветер,
Крылатые вести Казбека-отца,
Чтоб щедрость его довести до конца.

24

Второй, Арарат, устремился на юг,
На Малом Кавказе обрёл свой досуг,
Своё увлечение, счастье, забаву;
Всегда ему было веселье по нраву,
А тут даже почва бежит из-под ног,
Как явится праздник к нему на порог.

25

Бештау, сынок у Эльбруса меньшой,
Был самым любимым. Хотя небольшой,
Он тоже отцу был надёжной подмогой;
Шепнула ему перед долгой дорогой
Тихонечко мать: - Далеко не ходи,
Поближе судьбу постарайся найти…

[1] Гора Эльбрус (5642 м) и гора Казбек (5033 м) находятся на одном хребте, который является Центральным, становым хребтом Большого Кавказа; Малым Кавказом называются горы Закавказья, самая высокая из них – гора Большой Арарат (5165 м), в окрестностях Арарата довольно часто бывают землетрясения; Бештау и Машук (Машуко) – отдельно стоящие горы-лакколиты близ Пятигорска (1402 м и 993 м соответственно)

26

Бештау без лишних прощания слёз,
Отправился в путь, постигая всерьёз
Задачку нелёгкую, строго на север,
В удачу грядущую искренне веря.
Нет-нет, обернётся украдкой порой,
Одна голова, что пониже второй,

27

За ним продолжает любя наблюдать;
Судьба материнская – верить и ждать
Известий, пусть редких, от милого чада.
Во всех испытаньях опора, отрада,
Надежда, что силы даёт вновь и вновь, -
Её бескорыстная к детям Любовь…

28

Уйти не успел он ещё далеко,
Девицу одну повстречал, Машуко,
И ахнул, любуясь красою по праву:
- Надеюсь, и я тебе тоже по нраву?! -
Спросил, но услышал в ответ: - Погоди,
Убавь свою прыть. Издалече, поди?!…

29

Бештау опешил, насмешка в лицо -
Обида навек; но за словом словцо,
Уже ретивое пылает сторицей*);
В душе покорён обаяньем девицы,
Надежду почуял в словах: - Не тужи!
Любовь – не игрушка, сперва заслужи…

30

С тех пор он стремился любимой помочь
Во всём, чем она заниматься не прочь.
С приятелем – Ветром не ради забавы
Они собирали здесь тучи, чтоб травы
От влаги окрест в луговинах росли,
Усыпав цветами просторы Земли.

31

Всё больше в краю становилось плодов
Итогом его неусыпных трудов:
С черешнями груши, с лозой винограда
Кизил*), с алычою*) тутовник*) и рядом
Среди барбариса*) и зарослей роз
Роскошный и щедрый добряк абрикос.

32

На зов изобилия множество птиц
Сюда потянулось, не зная границ
Да вздорных сомнений; уже менестрели*)
Пернатого царства чудесные трели
Пустились вовсю расточать далеко,
Лаская изысканный слух Машуко…

33

Сколь тягостен был испытания срок,
То знает влюблённый Бештау да Бог.
Однако девичье сердечко – не камень,
Не схватишь его среди прочих руками,
За пазуху впрок поиграть не возьмёшь,
А коли обидишь – навек разобьёшь…

34

Когда разгорелось светло и легко
Ответное чувство в душе Машуко,
Пошли молодые за благословеньем
Эльбруса. – Не нашим, а божьим веленьем
Решаются браки, - ответил отец:
- Пусть вашей Любви помогает Творец…

35

В согласном семействе без долгих затей
Устроили свадьбу влюблённых детей;
Преданье вещает: гуляли на славу
На празднике том Машуко и Бештау,
Гремели салюты под Солнцем и без,
А пламя клубилось до самых небес.

36

Таких грандиозных событий с тех пор
Не видел Кавказ. Не о том разговор.
Где в недрах семьи всё и ладно, и дружно,
Там радостям ярким дивиться не нужно,
Там каждому хватит Любви и Тепла,
Лишь Злобе одной не найдётся угла…

37

Для жительства вышел удел молодым
Совсем недалече от главной гряды,
На том рубеже, где степные просторы
Ущельям навстречу вплавляются в горы,
Где вьют по равнине теченья узор
Ручьи озорные, сбежавшие с гор.

38

Супругам ловить доводилось не раз
Внимание чутких родительских глаз
На счастья чертогах в медовую пору
И много спустя. Даже малую ссору
Никто не приметил у них; дивный край
Под солнцем Любви расцветал словно рай…

39

Со временем стала грустить Машуко;
В печаль погружаясь свою глубоко,
Представила вдруг, будто менее светел
Весь мир оказался, тоскливо на свете;
Бештау, и то чаще делался хмур,
Подвластен тревогам жены чересчур.

40

Но чувства не скрыть под покровом ресниц
От чутких друзей, а тем более птиц.
И вскоре, домой пролетая на север,
Пустились свистеть Машуко свиристели,
Что где-то совсем недалёко есть лес,
В котором встречается уйма чудес:

41

Мускариков столько, что в полночи звёзд,
Фиалок и лилий, пионов и роз;
В лесу многоцветном меж грабом*) и дубом
Избушка стоит на фундаменте грубом
Из бута*), окно в ней, скрипучая дверь,
Ведунья там век коротает теперь.

42

Откуда в лесу объявилась она,
Забыла, видать, и сама, всё одна.
Но только ей ведомы многие тайны,
Сужденья её не бывают случайны,
Подскажет, как быть; чтоб не выгнала вон,
Покруче придётся отвесить поклон…

43

Вокруг между тем расцветала весна,
Совсем Машуко от весны не до сна,
С молитвой отправилась в путь до рассвета,
Супругу поведав, что птичьим советам
Привыкла она завсегда доверять,
Ему ж остаётся с надеждою ждать.

44

Не ведомо, долог был, короток путь,
Уже Машуко собралась отдохнуть,
Но видит, и впрямь между грабом и дубом
Избушка стоит на фундаменте грубом
Из бута, а в ней слюдяное*) окно,
Как птицы поведали, только одно.

45

Она постучала в скрипучую дверь:
- Простите, тревожу. – Да чую, не зверь, -
Ведунья в двери показалась: - Явиться
Решилась с поклоном?! Тогда, молодица,
Узнай же и ты то, что ведомо мне,
Печали твои на солёной волне

46

Останутся, в море чуть только войдёшь,
А после того плод Любви обретёшь…
Совет Машуко неожиданный внове.
- Спасибо на ласковом, бабушка, слове, -
Она поклонилась ведунье земно.
- Что ж, думай сама, а по мне всё одно, -

47

Ведунья закрыла скрипучую дверь,
В сомненьях оставив, мол, верь иль не верь…
Но сердцу важна даже искра надежды,
Сомкнула красавица накрепко вежды*),
Молитву прочла и вздохнула: - Пойду,
Видать, так написано мне на роду…

48

Угрюмо грохочет о берег прибой,
А пенные волны теснятся гурьбой,
Как будто им мало дорог на просторе,
Смятеньем объято солёное море.
К нему подошла, наконец, Машуко,
Не ведая, мелко тут, аль глубоко;

49

Прислушалась, волн набегающих шум
Тревожен до дрожи, тосклив и угрюм;
Вздохнула, стихия солёная рядом,
Решиться бы только, хоть страшно, а надо;
Шагнула, под воду ушла с головой,
Метнулась наверх над солёной волной…

50

Тугая волна Машуко подняла,
На берег толкнула и бег уняла,
Сбежав ненароком под скальные плиты.
Заботливый Ветер погладил ланиты,
Заметил: - По свету я всюду кружу;
Отселе домой прямиком провожу…

51

А там от волненья извёлся супруг;
Бештау, стремясь как-то скрасить досуг,
Для встречи с любимой заботливо – рьяно
Такие развёл разнотравья поляны
Вокруг изобильных плодовых садов,
Аж глаз утомился от моря цветов,

52

А сердце пьянил ароматов нектар,
Что чаша вина, припасённая в дар.
В цветочных куртинах*), под сенью небесной
Случился тот миг благодати чудесной,
Который из книги судеб, не таясь,
Черпает грядущего таинства вязь,

53

Чтоб следом по чести, в положенный срок,
Приблизилась новая жизнь на порог
Юдоли земной*). Так ведётся от Бога;
Для счастья даётся и мало, и много -
Восторженной страсти беспомощный плод,
Надежда творенья, источник хлопот…

54

В семье, наконец, долго ждан, долго зван,
Явился свет-солнышко Андемиркан,
Всю жизнь озарил Машуко и Бештау,
Эльбрусу на радость, Кавказу во славу;
Чтоб в нём пробудился удачи кумир,
Бештау тут пир закатил на весь мир.

55

В краю изобильном всем рады гостям;
В шерсти и пернатым согласно статьям
Души предпочтений готово по вкусу
Всегда угощенье; в забавах искусный,
На пир приглашённый окрестный народ
Вовсю веселится: танцует, поёт;

56

Всем верится: каждый воистину рад
Друг другу при встрече, товарищ и брат…
Вот новое лето, вновь солнышко юга
Пропитано зноем катится по кругу,
Без устали жаря. Но что ж глубоко
Встревожена чем-то опять Машуко?!

57

Уж крохотный очень да квёлый*) сынок,
Как будто былинки сухой стебелёк…
Припомнилось ей: между грабом и дубом
Избушка стоит на фундаменте грубом
Из бута, окрест простирается лес,
Который вобрал мириады чудес.

58

В избушке окно да скрипучая дверь,
За ней коротает свой век без потерь
Ведунья, что знает про многие тайны,
Сужденья её не бывают случайны,
Она пособит; а глубокий поклон -
Почтения знак, так не тягостен он!…

59

Опять Машуко устремляется в путь,
Себе не давая нигде отдохнуть;
Держа на руках невесомое странно,
Тщедушное пёрышко Андемиркана,
Не верится даже: столь крохотный сын
С Бештау у них словно светоч один.

60

Ну, вот и поляна; то вместе, то врозь
Фиалки с пеонами в зарослях роз,
Да звёздочки лилий; меж грабом и дубом
Избушка на том же фундаменте грубом
Из бута, а в ней слюдяное окно,
На двери скрипучей висит полотно,

61

Пропитано влагой; хоть молод, хоть стар,
Любого терзает полуденный жар…
Ведунья в двери показалась: - Явилась?!
С дитём на руках-то небось притомилась…
Что мал, не горюй, чтоб сильней стал вдвойне,
Его подержи на солёной волне…

62

- Спасибо, - склонилась пред ней Машуко
С печальною думой: - Идти далеко.
Одной ничего бы, а нынче с ребёнком…
Смятение жгло, но ведунья вдогонку
Сказала с усмешкой: - Молитву прочтёшь,
Сама не заметишь, как живо дойдёшь…

63

Похоже, однажды изведанный путь
Короче потом представляется чуть!
И вот объявилось знакомое море,
Безмолвие, штиль на бескрайнем просторе,
Вздыхает порой только бриза струна,
Да берег лениво ласкает волна.

64

Ступила на влажный песок Машуко,
Шагнула, ещё раз… Свободно, легко
Пошла она вскоре почти без опаски,
Почуяв стихии смиренные ласки;
Душой к обретению чуда летя,
На гладь опустила тихонько дитя.

65

Тут импульс движения будто был дан,
В воде стал барахтаться Андемиркан,
Беспечно смеясь и с волною играя;
Отрада ключом без конца и без края
От хрупкого тельца до самых небес
Забилась прямым проявленьем чудес.

66

Не разумом, сердцем почуяла мать:
К добру, что сынка невозможно унять…
С младенческих лет подружился он с морем,
Привык поверять и отраду, и горе
То грозной, то тихой солёной волне
И чайкам, что всё понимали вдвойне,

67

В ответ поднимая встревоженный крик,
Когда изливал он тоску напрямик.
Всё искренне в детстве велось, без обмана;
Не ведомо было для Андемиркана,
Что в мире гнездятся Притворство и Ложь,
Что Совесть иными не ставится в грош…

68

Года промелькнули, когда, наконец,
В чертогах Любви возмужал молодец,
Далёкий покуда от страсти томлений,
Добычей не став ни унынья, ни лени;
Отцовская стать, тонко выписан лик,
Хоть ростом удался не больно велик.

69

Однажды он с просьбой явился к отцу
Да к матери, вымолвил: - Мне не к лицу
Весь век обретаться без важного дела,
Такого, чтоб сердце от радости пело.
Пустите меня, к добрым людям пойду,
Быть может, желанное дело найду…

70

Что ж, век не прожить под родимым крылом;
Хоть в мире столкнуться возможно со Злом,
Спешит без оглядки наивная юность
Проверить характер, душой обязуясь
Пройти испытания путь до конца,
Достойно, в беде не утратив лица…

71

Советов в дорогу набрав про запас,
Джигит устремился из дома тотчас,
Куда любопытство нацелило очи;
И дни пролетали в заботах, и ночи,
Пока он одно за другим ремесло
Спешил распознать. Поначалу везло

72

Ему на отзывчивых, добрых людей.
Таких, без сомнения, больше везде,
Кто мир украшает своими руками.
Но редко бывает добро с кулаками,
Оно беззащитно за ворохом дел,
Пока не наступит терпенью предел…

73

Освоив одно, отправлялся вперёд
Всё дальше и дальше на солнца восход
Радетель*) ученья, чтоб новое дело
В родных палестинах*) в руках закипело;
Уже он сапожник, кузнец и гончар,
И шорник*), и плотник, на всё божий дар.

74

Тому, кто трудом пробиваться горазд,
Даётся талант; повторялось не раз
На нашей планете явление это.
Бродя с любопытством по белому свету,
Прославился, видом пусть не великан,
Отзывчивой щедростью Андемиркан.

75

Вот как-то явился в большое село,
Неведомой болью всё будто свело,
Так было вокруг бесприютно и сиро;
Поведали жители горе всем миром:
Теснит их отчаянно хан*) Кирибек,
Пасти не пускает по склонам у рек

76

Без платы простого народа стада,
Не ведомо, с ними податься куда.
И так у сельчан не скотина, а горе,
А нынче и вовсе худоба*) в разоре.
Безжалостен хан, и коварен, и лют,
А нукеры смертно ослушников бьют…

77

Почудилось, с неба скатилась звезда;
Для Андемиркана не внятна беда:
- Ведь всем одинаково солнышко светит,
Всех дождь поливает, баюкает ветер,
Для всех на рассвете ложится роса,
Равно громыхает над всеми гроза,

78

Зигзагами молний пугая стократ,
Для всех полыхает багровый закат,
На куполе неба крупицы созвездий
Для всех зажигаются; значит по чести,
Над миром один повелитель – Господь,
Всё сущее давший нам: душу и плоть.

79

Как смел возомнить о подобии хан?! -
Не мог уяснить себе Андемиркан
И всех убеждал, что не порознь, а вместе
Добиться победы возможно; на двести,
На триста прислужников хана сельчан
Немалые тысячи. Голос крепчал,

80

Слова убеждали и вскоре герой
Почуял соратников сомкнутый строй
Уже за спиною, а нукеры хана
Притихли в присутствии Андемиркана;
Легко одиночек к ответу тягать,
Но страшно наткнуться на грозную рать.

81

Гонец между тем из селенья тайком
Умчался с доносом, мол, всё кувырком,
Идей понабрался народ у смутьяна,
Забыл о порядке, буянит вполпьяна.
Пресечь подобает источник измен,
Для этого надобен ханский тумен*)…

82

Встревожился, весть получив, Кирибек:
- Чтоб я голытьбы этой бунт не пресек!?
Безумцы, забыли про ханскую стражу?
Пускай же пригубят кровавую чашу;
Казнить без пощады!… - Исполнить приказ
Отборный тумен устремился тотчас.

83

В селе не дремали и Андемиркан
Готовил к отпору окрестных сельчан:
Кому-то как шорник наладил подпругу*),
Другому кинжал в безоружную руку
Вложил, чтоб врагов поразил наповал,
Не зря ведь железо сам в кузне ковал.

84

Себе приготовил и меч, и колчан
Со стрелами, чтоб не искать сгоряча,
Когда испытанья минута настанет;
То тем, то иным был рачительно занят
Отважный джигит, поневоле бунтарь.
Привыкнув по совести действовать встарь,

85

Он ныне за правое дело взял меч,
Чтоб Зло одолеть или замертво лечь…
Сошлись, наконец, в поединке две силы,
Сельчане воздели дреколье*) да вилы,
Закрылись щитами от облака стрел,
Стреляя ответно, кто луки имел.

86

Всё ближе и ближе наёмников ряд,
Оружием справным на солнце горят,
От лезвий сиянья становится страшно…
Дошло наконец-таки до рукопашной,
Две силы сплелись, ни вперёд, ни назад,
Борьба на пределе, сдаваться нельзя…

87

Быть может, в бою за родное село
Безумство отчаянья им помогло
Сражаться с наёмной ордою геройски?!
Но вспять обратилось хвалёное войско,
Что выделил для подавления хан.
Героем стал доблестный Андемиркан;

88

Завёл он такие порядки вокруг,
В почёте стал труд и полезным досуг,
Проклюнулась в душах потребность познанья
Законов природы, основ мирозданья
Без всяких к тому принуждения мер…
Встревожил цветущего края пример

89

Окрестных правителей; хан Кирибек
Поклялся врага уничтожить навек,
Чтоб памяти даже в округе не стало,
Останки в степи растерзали шакалы,
На сирой земле не осталось могил,
А в душах людских ни дерзанья, ни сил…

90

Не ведал об этом отважный герой,
А может, и чуял угрозу порой,
Но рядом друзья обретались; до боли
Им дорог был тот, с кем народная воля,
Столь робкая в действе до нынешних пор,
Усилия сплавив, явила отпор…

91

Радетель добра, попечитель красы,
Герой был поистине любящий сын,
Короткие весточки слал отовсюду,
Что жив и здоров, беспечален покуда,
Что в мире, где Злоба погрязла в крови,
Старается жить по законам Любви.

92

Бештау вздыхал наравне с Машуко
О том, что сынок от родных далеко;
Мечтали они пусть о краткой, но встрече,
Услышать бы андемиркановы речи,
Увидеть родимого чада глаза,
Смиренно молили о том небеса…

93

И чудо свершилось для них, наконец,
Вернулся из странствий домой молодец
Проведать родителей; сколько отрады
В тот миг у них было, пытаться не надо
Простыми словами того передать.
Отец был, и сын, и счастливая мать,

94

Все трое исполнены радостью; вновь
В уютных чертогах царила Любовь
Без привкуса долгой печали – тревоги.
Но горе уже стерегло на пороге:
В обратном пути должен сгинуть от ран
По ханскому замыслу Андемиркан.

95

Мелькают мгновения радостных встреч,
Чтоб в памяти было что свято беречь.
Настала минута ни поздно, ни рано
Прощаясь напутствовать Андемиркана;
Шепнула, дойдя до скрещенья дорог,
Ему Машуко: - Да хранит тебя Бог!...

96

Опять растворился, простыл его след
На тяжком пути поражений – побед…
Случается в жизни, ведут разговоры
Не только уста, но и страстные взоры;
Хоть мало гостил он с неведомых пор
В родимых пенатах, но девичий взор

97

Проникнуть до самого сердца успел,
Джигит в нём заветную тайну узрел.
Ещё не обсохла слеза расставанья
С родными, настала минута свиданья;
Слились, дабы верить и ждать неспроста,
Пред долгой разлукой с устами уста.

98

Единый, казалось, свидания миг
Бесследно растаял, чуть только возник.
Раскинулся в небе шатёр многозвёздный,
Пускаться в дорогу решительно поздно,
Но надобно; там, где рассветы встают,
Его возвращенья соратники ждут…

99

Прохладная тишь да безлунная ночь,
Движенье едва ль не на ощупь, точь-в-точь;
Терзает усталость…, рука задрожала,
Почуяв преграду, два острых кинжала…,
Подавленный вскрик…, замирающий стон…
И степь погрузилась в предутренний сон…

100

Гордится победою хан Кирибек:
Вожак голытьбы уничтожен навек!
Чтоб памяти даже в округе не стало,
Останки в степи растерзают шакалы,
Нигде не оставив следов да могил,
И в людях не будет к дерзанию сил…

101

Но тело друзьям удалось отыскать,
Земле дабы прах его с честью предать;
Постигнув утрату, терзаясь от боли,
Исполнили люди там общую волю:
Вершить чтоб не мог надругательства хан,
Насыпали сверху огромный курган…

102

О гибели внука прослышал Эльбрус,
Нахмурился тучами; тягостный груз
С тех давних времён ему давит на душу:
Зачем он лелеял веками, не рушил
Живые ростки?! Как ни короток век,
Беречь не умеет их сам человек,

103

Себя возомнивший творенья венцом,
Хотя безрассудство его налицо:
Ведь стоит Эльбрусу дать волю для гнева,
Всё, сзади и спереди, справа и слева,
Исчезнет бесследно; сотрётся вокруг,
Что создано было деянием рук…

104

Упала на землю в тоске Машуко,
Застыла. Столь горе её глубоко,
Что слёзы из глаз материнских веками
Струятся потоком нарзана[1]. Не камень
Дарует им силу недуг исцелять,
Она и в безмерном страдании Мать,

105

И чуткое сердце, разбитое в кровь,
Живым посылает святую Любовь,
Чтоб люди при том становились добрее.
Её Доброта души лечит и греет;
С ней верится в чудо: за горестью тризн
Над миром всегда будет царствовать Жизнь.

[1] Нарзан – лечебная минеральная вода Кавказа, обогащённая различными солями и микроэлементами и насыщенная углекислотой за счёт глубинных тектонических процессов; скапливается в подземных озёрах и выходит на поверхность источниками целебной силы

106

Приник и Бештау к родимой земле
С томительной думой на мрачном челе,
А в сердце, где гнев переплавился стоном,
Зажглись эманации*) газа радона[1],
Способного быть и целебным равно,
И гибельным в сути своей заодно.

107

Невеста, навеки утратив покой,
У ног Машуко и Бештау рекой
Тогда обернулась, никто даже имя
Узнать не успел за делами своими;
А раз эта речка впадает в Куму,
Подкумком прозвали, что ж, быть по сему.

108

В том месте, где замертво Андемиркан
Когда-то упал и насыпан курган,
Там прежде нельзя было встретить ни тени,
Ни капли воды, ни зверья, ни растений,
А ныне ветвится большой карагач
Прилежным хранителем сил и удач.

[1] Радон – очень редкий радиоактивный химический элемент, газ, сильно токсичен, светится в конденсированном состоянии. В медицине радоновые ванны, где используются обогащённые радоном в небольших концентрациях вода и воздух, применяются для лечения нервной и сердечно-сосудистой систем, а также при некоторых других заболеваниях. При техническом использовании, в больших дозах, радон опасен для организма, так как образует радиоактивные продукты, которые с большим трудом из него выводятся

109

От хана давно не осталось следа
На грешной земле, но напротив, сюда
Частенько приходят для отдыха люди,
Уверены, тень им живительной будет,
Укроет на время в юдоли земной,
Покуда пылает полуденный зной.

110

Где алчность становится выше идей,
Мельчают со временем нравы людей…, -
Негромко промолвил последнюю фразу,
Вздохнул карагач, утомлённый рассказом,
И замер недвижимо, словно уснул
Под резвой Арагвы стремительный гул.

111

Не ведаю, явь то была или сон,
Но помнится сказ, что поведал мне он.
Меж тем проступили гряды очертанья,
Померк многозвёздный шатёр мирозданья,
Скребла монолит ледяная вода,
Манила к себе, повторяя: - Сю-да-а….

КОЛЬЦО

1

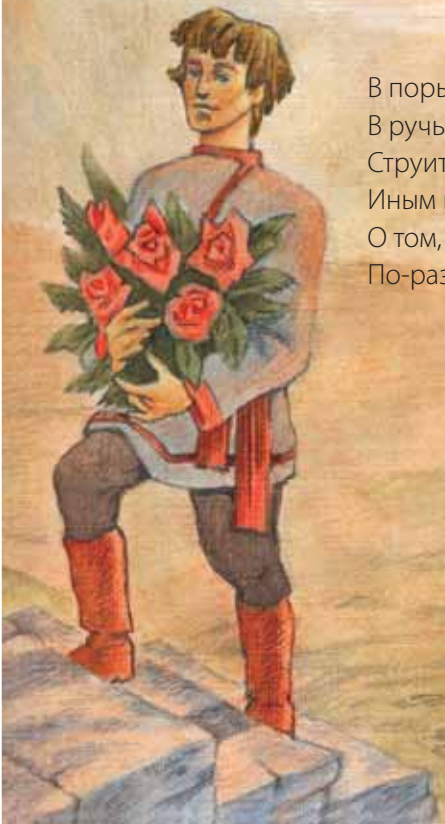
Размеренно верен у времени бег;
За веком прилежно сменяется век,
Беспечно вверяя грядущему тайны,
Разгадки которых скупы и случайны.
Значительно чаще таит навсегда
Секреты минувшего Леты*) вода.

2

В ущелье, где грозно грохочет Чегем[1],
Одна из великого множества тем
Проникла в сознание, дабы причины
Далёких событий из Леты пучины
На свет проявились по воле Творца;
Покорно исполню её до конца.

3

В порывах ли ветра, летящего с гор,
В ручьях ледниковых, с неведомых пор
Струится с кавказских отрогов сказанье
Иным в утешенье, иным в назиданье.
О том, что издревле вещает молва,
По-разному судят; однако слова



4

Скептических мнений далече мудры,
Но меркнут вблизи от приметной горы.
Тому, кто не видел её очертаний,
Принять нелегко непреложность преданий,
Но кто созерцал эту гору хоть раз,
Едва ль усомнится, прочтя этот сказ.

5

В далёкую бытность один властелин
Добился немыслимой славы вершин
И правил без явно приметных усилий,
Окрестные ханы в подручных ходили.
Отменно могуч был, отменно богат
Владетельный князь по прозванью Довлат.

6

Не только просторы, не только стада
Влекли во владения князя тогда
Окрестных джигитов. Червонного злата*)
Водилось немало у князя Довлата,
Но главным сокровищем Лейла-княжна
У князя была, будто кубок вина

7

Пьянила рассудок, едва только взгляд
На ней замирал, разом рад и не рад.
Упругость движений, изящество стана
Влекли что магнитом, но ширилась рана
В сознании, встретив и брови вразлёт,
И омут очей, и… надменности лёд.

8

Не раз чужеземцы, не раз земляки
Просили у князя дочерней руки.
Не важно, в годах претендент или молод,
Всё тот же встречал равнодушия холод,
Которым княжна объясняла ему,
Что ей излияния чувств ни к чему.

9

За днями мелькали досужие дни;
Увы, перемен не вносили они
В размеренный быт благодатных чертогов,
Где жизнь протекала и вольно, и строго;
Режим заведён был единственный раз
Уже навсегда, как наказывал князь.

10

Казался незыблемым княжий закон,
Да только не властен над временем он…
Всё чаще тревога долила Довлата:
Что надобно дочке? Красива, богата,
А в сердце томления нет и следа,
Неужто у Лейлы оно изо льда?!...

11

Сам князь не забыл ни волненье в крови,
Ни страсти полёт, ни восторги любви
И ведал, что чувство противится силе,
Решать не спешил, как его ни просили,
Но исподволь всё-таки выход искал,
Ведь спорит вода с неприступностью скал.

12

За девичье сердце напрасно отец
Однако тревожился, брачный венец
Страшил от сознанья: отцовская слава
Прельщает скорее, а после приправа
К богатству и власти – девица-княжна,
Сама по себе она так ли нужна?!

13

Что ж, Лейла отчаянной дочерью гор
Не зря оставалась, с отроческих пор
Не раз забавлялась ездой верховою
Да верность ценила, а с храбростью вдвое.
Но качеств таких из-за краткости встреч
В пустом сватовстве невозможно извлечь.

14

Надеялась Лейла, что это пока,
Что встретит когда-нибудь наверняка
Она среди прочих такого джигита,
Который готов будет ринуться в битву,
Отдать безрассудное сердце своё
Не ради богатства, во имя неё.

15

Не знал о сомнениях дочери князь,
А может, проведал какую-то часть;
Но вот невзначай, что водой из ушата*),
Однажды на площади княжий глашатай*)
В народ небывалую выплеснул весть:
- Желающим всем предоставлена честь

16

Открыто бороться за руку княжны;
Для этого сила да ловкость нужны,
А тот, в ком искусный проявится воин,
Окажется высшего права достоин –
Тот сможет удачу свою испытать,
Пред Лейлой самой проявить свою стать.

17

Известия головы кружат подчас;
Но только лукавил по-своему князь,
На равенство шансов внушая надежду,
Удача богатую любит одежду,
В иной состязания путь не пройти.
Но юность наивна в начале пути,

18

И верит (возможно, себе на беду)
В свою лучезарную счастья звезду…
А тою порою в чертогах Довлата
Два гостя живали и были бы рады
Невесте дары принести, не скупясь;
На них-то как раз и рассчитывал князь.

19

Одним из приезжих был княжич Рувим,
Девичьи пригож и девичьи раним,
Без меры обидчив, по ладному скроен,
Прекрасный наездник, отчаянный воин;
Его привела от Большого хребта[1]
Рождённая слухом о Лейле мечта.

Чегемский водопад в одноимённом ущелье Кавказских гор

20

Второго соперника звали Анри;
Приехал, увидел, пронзило внутри,
Остался, сомненья с надеждами множа,
Беспечный наследник богатого дожа*);
В манерах изящен, что ангел красив,
Не в меру речист и не в меру спесив.

21

Два гостя вели нескончаемый спор
За сердце княжны, но обычаем гор
Она оставалась равно благосклонна
К обоим; по данному свыше закону
Не важно, богач ли хозяин, бедняк,
А в доме своём он для гостя кунак*).

22

Огонь любопытства, однако, не раз
В погибельном омуте девичьих глаз
Задорно искрился, внимая рассказам,
Влекли и страшили которые разом.
К бескрайнему морю, к величию гор
Тогда убегал её мысленный взор.

23

Представился деве могучий Казбек,
Источник великого множества рек,
В восторженно-радужном слоге Рувима.
И вот уже, силою неба хранима,
Она представляла себя среди скал,
Где бьётся Кура и грохочет обвал,

24

Где вьётся по горному склону тропа,
Реальность сурова, случайность слепа,
Где яро рычит обезумевший Терек,
Настойчиво точит обрывистый берег,
Стремясь поскорее на вольный простор
Прорваться, покинув объятия гор…

25

Ах, Лейла, святая души простота,
Явленье мрачнее, чем ярче мечта.
Но юность узреть не способна итога,
Возможно ль за это судить её строго?!
Иная для зрелости в жизни пора,
С годами душа на ошибках мудра…

26

Ещё необычней пейзажи Анри
Пред ней рисовал, лучезарной зари
Она уже видела блеск на просторе,
Где вместе сливаются небо и море,
Где тает земли суета без следа,
Вблизи и вдали всё вода и вода,

27

Где парус покорствует воле ветров,
Признав над собой только неба покров,
А люди мечтою стремятся на берег,
Морскими узлами*) минувшее меря,
Чтоб дома достигнув (Творцу исполать!*)),
Опять о просторе морском тосковать.

28

Конечно же, был избалованный дож
На волка морского отнюдь не похож,
Но всё-таки вырос у самого моря,
В пути на Кавказ побывал на Босфоре,
Да знал не по опыту, только со слов
В азах мореходства крупицы основ.

29

Поведал, что город стоит на воде.
(И больше такого не встретить нигде!)
Не силою рока, по собственной воле
Там ездит народ не верхом, на гондоле*)…
И в ту же минуту игрою ума
Княжна очутилась в гондоле сама…

30

Дивилась она: благодатью небес
Каких только нет в нашем мире чудес!?
И пуще молилась величию Бога,
Людей не карал бы за промахи строго;
Ведь чуткому сердцу известно не вновь,
Что волю Творца направляет Любовь.

31

Меж тем на просторе досужий народ
Искал, кто же статью княжне подойдёт?!
На зрелище это, забравшись на скалы,
Глядели и судьи; седым аксакалам
Доверил Довлат претендента избрать,
Который пред Лейлой сумел бы предстать.

32

Судачили судьи: один тугодум,
Хоть силою равен, наверное, двум,
Другой не силен, хоть напорист и боек,
Иной неказист, кто-то лих, да не стоек,
Тот робок чрезмерно, тот слишком уж смел,
А кто-то себя проявить не сумел.

33

Сошлись, что в одном есть и ловкость, и стать,
И знает, что молвить, и чует, как встать,
И смотрит спокойно, и голос без дрожи,
И видом пригож, да не в князя, не в дожа,
А звать - величать хоть немного мудро,
Но дивно и солнечно - звонко – Сандро.

34

Откуда же взялся такой молодец?!
Узналось, что прибыл недавно купец,
С ним несколько ратников – малая стража,
Чтоб татям*) в пути не досталась поклажа;
Сандро, самый юный из них и живой,
С ватагою этой явился впервой.

35

- Ну что ж, попытает пусть счастья тогда,
А что издалече, так то не беда,
Не дальше, быть может, чем первые двое,
Зато по статьям всем подходит с лихвою, -
Совет аксакалов ничуть не грешил,
Когда сообща так на том порешил.

36

Поведали князю; тот медлить не стал,
На новый этап повеление дал.
Объявлено было, вещает преданье,
Троим соискателям три испытанья
При всех предстояло на равных пройти,
Чтоб кто-то один смог удачу найти.

37

Последнее слово судьбою самой
При том оставалось за юной княжной.
И вот словно море у замка разлито,
От зрителей тесно. Сноровку джигита
Гостям напоказ предстояло явить,
А зрителям, стало быть, их оценить.

38

У княжьего замка просторный балкон
Искусно был выстроен с видом на склон
Недальней горы. Там, на нишу похожа,
Коврами и гарусом*) выстлана ложа,
В той ложе недвижно сидела княжна,
Задумчива крайне, бледна и грустна.

39

Вот первым предстал перед нею Рувим
(Скакун вороной чистокровный под ним),
Гарцуя*), приблизился гордо к балкону,
Княжне улыбнулся, мол, всё по закону,
И дал скакуну в тот же миг шенкеля*),
Пустился галопом*), нещадно пыля.

40

И всё завертелось, нельзя передать,
Он прыгал на землю, чтоб снова взлетать
В седло на ходу, как сражённый стрелою,
Скакал, не касаясь едва головою
Камней придорожных, взмывал на скаку,
То в рост поднимался, то гнулся в дугу,

41

Чтоб вылезти вновь из-под крупа*) коня,
Блестящими шпорами*) счастье маня;
Заметив случайно взлетевшую птицу,
(Ведь надо же было ей тут объявиться!)
Он выхватил вдруг притороченный лук,
Прицелился, выстрел, глядеть недосуг

42

На птичьи мучения, снова вперёд…
Но вздрогнули девичьи брови вразлёт
При виде на землю упавшего тельца:
- Да, меток, хвалить ли, однако, умельца?!
Хоть прыти отнять не возможно, удал…
А княжич довольный собой ускакал.

43

Гудел, обсуждая Рувима, народ,
По нраву бы вроде, да думы вразброд…
А следом к заветной приблизиться ложе
Черёд подоспел и красавчика - дожа,
Подъехал, на солнце блестя серебром,
Взмахнул перед Лейлою шляпой с пером,

44

На голову снова её водрузил;
Каурый*) конёк уже повод просил,
Помчались, стряхнув замешательства бремя.
Анри то соскочит, схватившись за стремя,
Подпрыгнет что мячик у самых копыт
И мигом в седло расписное взлетит,

45

То вздыбит коня, то пришпорит опять
И пустится дальше по кругу скакать,
Кичась горделиво - небрежной посадкой,
В движениях резвых и вёрткой, и хваткой.
Одобрил народ, дескать, тоже герой,
Но всё-таки после Рувима второй…

46

Последним на площадь явился Сандро;
Отвесил поклон, огляделся хитро:
- Коврами богато устелена ложа,
Девица-красавица в ней, ну так что же?
Княжна – не княжна, а весьма хороша…, -
У парня и впрямь загорелась душа:

47

- И бантиком губки, и брови вразлёт,
И очи, что вишни, глядит, не сморгнёт.
А вот бы в деревню с невестой такою!
Неужто я этой девицы не стою?
А впрочем, как знать, что грядёт впереди?!
Увидеть решила?! Валяй, погляди…

48

Не ведомо как иноходец*) возмог
Мелькнувший в уме седока монолог
Почуять, постичь и принять к исполненью,
Но только без явного хлопца веленья
Не медля, картинно пустился он вскачь,
Изящен в движениях, нравом горяч.

49

С усмешкой, лениво, как будто шутя
Резвиться стал, словно большое дитя,
Таинственный всадник, княжну удивляя
Всё больше и больше, она замирая
Уже неотрывно следила за ним.
А он с иноходцем стал целым одним,

50

То спрыгнет и снова в седло на ходу,
То вниз головою, вот-вот на беду
Коснётся камней придорожных случайно,
То вскинется вдруг и неведомой тайной
В седле уже мчится по ходу спиной,
Шутливо кудрявой вертя головой.

51

Дурашливо-резво под крупом пролез,
Себе удивляясь, как будто воскрес,
Ещё и ещё раз… Потом надоело
Ему вроде долго кататься без дела,
Стоймя на седло, иноходец на шаг,
И плавно к балкону приблизились так.

52

Тут глянули в карие очи глаза,
В которых сияла небес бирюза*),
И насквозь пронзили девичье сердечко.
Он шёпотом: - Дай ненадолго колечко!
Да ты не смущайся, не бойся, верну;
На палец мало мне, в себя не сглотну…

53

Княжна удивлённо колечко сняла
И, глядя в глаза незнакомцу, дала.
Эх, воин! Не брал бы кольца золотого,
Не надобно князю ведь зятя такого.
Тем сам ненароком идею подал,
Себе предрекая грядущий провал…

54

Отъехав меж тем от балкона верхом,
Сандро развернул скакуна и грехом,
Стрелу приготовив под правую руку,
Подбросил повыше колечко, из лука
Не целясь почти что калёной стрелой
Эфир пронизал прямо над головой.

55

Вернулась, воткнулась, застряла в земле;
Трепещет колечко на тонкой стреле…
И вдруг иноходец на пару мгновений
Застыл, опустился пред ней на колени,
Прогнулся Сандро, словно в бурю ветла,
Стрелу ухватил, не слезая с седла.

56

И тотчас же на ноги прянул скакун,
Встряхнулся, застыл, голова на боку,
Прошёлся играючи резво по кругу,
Чтоб все разглядели хозяина руку.
Народ бушевал, выражая восторг,
Понятно, кто первый, уместен ли торг?

57

Что видит в конец потрясённый отец?!
Слетает молитва: - Помилуй, Творец!
Сандро на седле подбоченился стоя,
Подъехал к балкону по праву героем,
Повторно пронзают девицу глаза,
В которых сияет небес бирюза,

58

С колечком стрелу преподносит княжне,
А та принимает, как будто во сне…
Нахмурился князь, мол, единый из рати,
Далёкий от власти, далёкий от знати;
Всего и заслуг, что в глазах бирюза,
Так разве резонно любить за глаза?!

59

А впрочем, два тура ещё впереди,
Как знать, может, кто-то иной победит
И в девичье сердце сумеет ворваться!?…
Вторым испытанием песни и танцы
Назначены были. Окрестный народ
На новое зрелище дружно идёт.

60

Вблизи от балкона устроен помост,
Чтоб всем было видно соперников в рост.
Вся троица рядом устроилась тоже,
Один на другого ничуть не похожи:
В черкеске*) Рувим, золочёным шитьём
Что солнце второе пылает огнём;

61

У пояса стали дамасской*) кинжал,
Как будто бы соткан из множества жал -
Лучей, преломлённых в больших самоцветах,
Горит ослепительной радугой света;
Без навыка кто, за слезою слеза
При взгляде на них застилает глаза.

62

В коротком плаще да при шляпе с пером
Блистает и дож: кружева с серебром
На шее, груди, на запястьях; картинно
Сверкают застёжки из алых рубинов*)
На белом плаще, словно пролита кровь
Из сердца, в котором стенает Любовь.

63

Без внешнего блеска и лоска Сандро
Вокруг озирается смело, хитро;
В своей домотканой посконной*) рубахе
Глядится воителем, мужем; о крахе
Не мыслит, похоже; единственный знак
Особого действа – нарядный кушак*).

64

Вот в ложу ковровую вышла княжна,
По-прежнему крайне бледна и грустна,
Окинула взором толпу у помоста,
Троих соискателей… Вроде бы просто
Взглянула случайно, а всё ж одного
Приметила сразу, вот только кого?!

65

Тут каждый ответил себе, как хотел,
Почто невзначай шёлк ланит заалел?!...
Готовые к новой решительной схватке,
Пустились соперники в том же порядке
Сражаться за Лейлу на ниве искусств,
Девицам важней проявления чувств…

66

Сначала Рувим, полыхая огнём,
Взошёл на помост, саламури*) при нём,
Взглянул на княжну затаённо несмело,
Вздохнул, камышовая флейта запела,
Как будто из сердца он выплеснул грусть,
Мол, в сердце любимой откликнется пусть.

67

Звук выше и выше…, сорвался и в пыль
Внезапно свалился, но только камыль*)
Его подхватил, не прислугою, другом
Похоже влекомый, и дальше по кругу
Пустились вещать затаённую быль
Сперва саламури, а следом камыль.

68

В дуэт их дыханием горных вершин
Ворвался покорный смычку шичепшин*),
Развеял сомнения, точки аккордов
Проставив в мелодии страстно и твёрдо,
А следом в невольном согласии с ним
Запел о сердечной печали Рувим;

69

Текла в его голосе страсти река,
В стремнине бурлива, в разливе мелка;
Так капли недавно расплавленной льдины,
Покинув морозных владений куртины*),
Сливаются вместе, являя исток,
Который вначале – ещё не поток.

70

Вот стал он быстрей и быстрей напевать,
Застыл на мгновенье…, и ну танцевать,
Отбросив на руки слуги саламури,
В порыве подобный стремительной буре:
Помоста чуть только коснётся нога,
Чечётка срывается вмиг с каблука.

71

Вослед за чечёткой он выписал круг
По воздуху чётким движением рук,
Меняя мотив камыля с шичепшином,
Прошёлся в задорной лезгинке картинно…
Обрадован князь, дескать, нынче княжна
Иначе взглянуть на Рувима должна.

72

Искусный танцор и певец хоть куда,
Признали все зрители разом тогда.
Соперникам следом труднее тем паче,
На то и борьба, невозможно иначе;
Кто выбрал себе состязания путь,
Обязан все силы напрячь, но блеснуть.

73

И вот на помосте сиятельный дож,
В плаще с кружевами отменно пригож;
Задумчивый взор полон неги и страсти,
Ужели не примет княжна хоть отчасти?!
Изящный поклон, долу шляпа с пером,
На вензеле*) рдеет рубин с серебром;

74

Округлым движением шляпу к груди
Анри придавил, почитай, пригвоздил,
Восторженно глядя в ковровую ложу,
Где Лейла, с прекрасною розою схожа,
Рассудок пьянила, что кубок вина…
Тут тихо, таинственно скрипки струна

75

Над площадью вывела трепетный звук
Столь чисто, что всё затаилось вокруг;
За ним потянулись, что клин журавлиный,
Гитара с цимбалами*) и мандолиной*),
Тропу пролагая созвучием струн
Роману, а следом отчаянно юн

76

Вознёсся над миром, звеня изнутри,
Глубокий, пленительный голос Анри.
То бархат зари в поднебесном просторе
Иль воздух солёного тёплого моря,
Иль солнцем пропитанный мягкий прибой
Дарят Адриатике[1] голос такой!...

77

В нём всё гармонично, светло и легко,
Хоть низко звучание, хоть высоко,
В нём нет и оттенка тревоги, волненья;
Так певчая птица без тени сомненья
Поёт вдохновенно в небес вышине,
Беспечно скользя на воздушной волне.

78

Подобно лавине в горах нарастал
Романса напев, то почти замирал,
То снова взлетал на серебряных нотах
В зенит, увлекая мечтою полёта,
В чарующий мир за собою маня,
Нектаром восторга сознанье пьяня…

79

В эфире растаяла звуков волна,
Последнее тремоло*) скрипки струна
Рассыпала бисером в бездне пространства,
Гармонии жизни явив постоянство;
Но грезилось долго: в дали среди скал
Едва различимый аккорд замирал…

[1] Адриатика - часть Средиземного моря между Апеннинским и Балканским полуостровами

80

Народ зачарованно замер, притих,
Невольно признав, кто сильней из двоих;
Возможно, в Рувиме и больше искусства,
Но голос Анри – воплощение чувства;
Так весело – звонко природы дитя
Играет, на крыльях удачи летя.

81

Вольготно купаясь в восторга лучах,
Анри прочитал удивленье в очах
Прекрасной княжны; мимолётной улыбкой
Дала она повод к надежде пусть зыбкий,
Пусть крохотный самый, но всё же такой,
Что дож, грациозно махая рукой,

82

В поклонах по полу прошёлся пером
(На вензеле рдеет рубин с серебром),
Потом упорхнул, поспешив за Рувимом,
Чтоб тут же застыть в нетерпеньи ревнивом.
Меж тем не спеша, обаятельно прост
Последний соперник взошёл на помост,

83

На ложу взглянул да прищурился вдаль…
Княжна затаилась… Тут сделалось жаль
Нежданно в душе даже князю Довлату:
- Хорош молодец, статью вышел, что надо;
И смел, и удал, и собою пригож,
Досадно одно, что не князь и не дож;

84

Так значит, со знатью тягаться не след,
Не сходится клином на ратнике свет…
Глазастый народ изумился немножко,
Приметив в ладонях соперника… ложки*);
Прошёл говорок, мол, куда их девать?!
Не к месту одна, у него ж целых пять…

85

Сандро без смущения руки развёл,
Пространство объемля, и песню завёл;
На первой, покуда единственной ноте
Крепчал его голос и ширился вроде,
Достиг кульминации*), замер на миг,
Но тут же забился созвучий родник:

86

Свирель*) с балалайкой*), пыжатка*), рожок*),
Трещётки*), кугиклы*), все, кто и как мог,
Пустились соратники, точно в сраженье,
На помощь товарищу; вихрем движенья
Всё сущее было внезапно окрест
Неведомой силой подхвачено с мест.

87

А песня взлетела на этой волне,
В гармонии звуков являя княжне
Признание сердца; возвышенней, шире,
Прекраснее чувства не сыщется в мире;
Сплетаясь, звенели в нём страсть и тоска,
И вера, что где-то удача близка;

88

Раздольная песня по свету лилась,
Признанием искренним радуя всласть…
Закончив, тряхнул выразительно руку,
Под трель балалайки прошёлся по кругу
Пружинистой поступью барса Сандро,
Десницей*) слегка упираясь в бедро;

89

Застыл на мгновение, долу рука,
И в пляс устремился по зову рожка
Сначала неспешно, но с каждым движеньем
Скорей и решительней, с тем выраженьем,
Что в жест воплощает кипучую страсть.
Трудился вовсю, ощутив её власть,

90

Над ритмом чечётки не только каблук,
От ложек задорнее сыпался звук:
Один за другим торопились на смену
Удары по локтю, ладони, колену,
Всё прытче, с собой увлекая тотчас
Восторженных зрителей броситься в пляс.

91

По площади тёк одобрения гул:
Лавиной оваций затоплен аул.
Княжна поднялась, прижимая ладошки
К пылающим щёчкам, остыли б немножко;
Одно – на искусство глядеть, не дыша,
Иное – когда нараспашку душа,

92

Когда выразительно смотрят глаза,
В которых сияет небес бирюза,
Когда чует сердце, что это взаправду,
Не ради богатства, не ради награды…
Обидно становится: разве бедняк
Способен последний признания знак

93

Найти столь же яркий, как первые два?!
Уже просочилась на площадь молва
С досадой на то, уверяет преданье,
Последнее в чём состоит испытанье:
Такое невесте промыслить кольцо,
Чтоб сила Любви в нём была налицо,

94

Не ведал бы чуда подобного свет…
Народ разошёлся покуда; вослед
Побрёл и Сандро, осознав, что он лишний;
Но грезились томные очи, что вишни,
А в сердце ланит разрумяненных жар
Вовсю раздувал безнадёжный пожар.

95

- Неужто ты к этой девице душой
Успел прикипеть?! – подал голос старшой
Охранной дружины, поникшего хлопца
Толкая плечом: - Не горюй, обойдётся.
Что проку без дела теперь тосковать?
Задело всерьёз, так давай мозговать…

96

И вот наступил обозначенный срок
Подбить состязаниям общий итог.
На площади снова скопленье народа,
Глазеть на подарки кружит хороводом;
Невольно у многих мелькает вопрос:
Почто так невеста печальна до слёз?!

97

Вблизи от балкона на столике в ряд
Сосуды хрустальные порознь стоят.
В одном полыхает кольцо золотое,
Усыпано сплошь адамантов*) росою;
Приложены серьги в гармонии с ним;
Так чувства свои обозначил Рувим.

98

Казалось, струится немеркнущий блеск
От солнца к алмазам и вновь до небес;
Но девичьи очи задумчиво мимо
Скользят, обходя адаманты Рувима;
- Ужель не по нраву такая краса? –
Судачат в народе: - И впрямь чудеса!…

99

В сосуде втором горделивый сапфир*)
Чарует собой окружающий мир;
Венцом оттеняет сапфировый перстень
Колье с жемчугами*) да яшмою*) вместе.
Таким украшеньем невесту Анри
Решал одарить; безмятежно горит

100

И яхонт, затопленный в жгучих лучах,
А дожа всё более мучает страх:
К дарам его также княжна равнодушна,
Чего же красавице, собственно, нужно?!
На дальний сосуд устремлён её взор,
А тот остаётся пустым до сих пор…

101

Увы! К драгоценностям свёлся итог;
Сапфир с адамантом, и весь диалог.
Который их двух?! Оба камня красивы,
Горды обладатели их и спесивы,
И оба возносят себя выше всех,
Надеются взять в состязании верх…

102

Народ не по разу к столу подходил,
Гадая, который окажется мил?!..
Уж солнце пустилось клониться на вечер,
Давя безнадёжностью девичьи плечи.
Княжну настоятельно просит отец:
- Довольно томить, выбирай, наконец,

103

Какое по нраву колечко, надень…
Но медлит она, ведь не кончился день…
Чу, скачет Сандро на своём иноходце
В расшитой рубахе, что вешнее солнце,
Невиданной в здешних местах красоты,
Рукой укрывая от ветра… цветы.

104

Подъехал, роскошный букет диких роз
Учтиво, с поклоном княжне преподнёс,
Приметил, что вишни наполнены влагой,
В очах бирюзовых Любовь да Отвага…
Довлат с нетерпением: - Где же кольцо?!
Сандро улыбнулся, глядит молодцом,

105

Десницею взоры направил на склон,
Напротив которого сделан балкон.
А там, где отрога недальнего гребень
Обрывистой кромкой смыкается с небом,
В скале объявилось большое кольцо;
Воистину, чудо Любви налицо:

106

Светило закатом края золотит,
В серёдке блистает небес лазурит*);
Вблизи и вдали громоздятся повсюду
Роскошной оправою гор изумруды*);
Пронизанный искрами солнечный луч
Вовнутрь норовит заглянуть из-за круч.

107

Тут сам повелитель качнул головой:
- Такое Любви лишь под силу одной…
А вскоре явились у князя Довлата
С очами небес бирюзовых внучата…
Давно это было, за далью времён
Нельзя различить ни судеб, ни имён;

108

Известно одно: до скончания дней
С дружиной Сандро не расстался своей;
А князь, хоть признал его зятем не сразу,
О том не посетовал в жизни ни разу;
В семействе не стыла со временем кровь,
Всегда обретались Совет да Любовь.

109

То чудо доныне с тех пор налицо;
К нему устремляются с разных концов
В свободное время пытливые люди,
Самим убедиться, что заново будет
Края золотить в том кольце на горе
Искрящийся луч на вечерней заре;

110

Роскошной оправой лазури простор
Раскинется над изумрудами гор…
С кавказских отрогов струится сказанье
Иным в утешенье, иным в назиданье;
Издревле вещает о чуде молва,
Являя всё новые краски, слова;

111

Пускай пересуды далече мудры,
Но меркнут они у приметной горы.
Тому, кто не видел её очертаний,
Принять нелегко непреложность преданий,
Но кто созерцал эту гору хоть раз,
Едва ль усомнится, прочтя этот сказ.

Горы главного Кавказского хребта близ Чегема

Горная река на Кавказе

Голова князя близ Замка Коварства и Любви

Скульптура Орла в Пятигорске

Скалы близ Замка Коварства и Любви

Горная река Чегем на Кавказе

Чегемское ущелье на Кавказе

Эльбрус

Вид Эльбруса из Пятигорска

Вид на гору Машук (Машуко) в Пятигорске

Вид на гору Бештау в Пятигорске

Гора Кольцо на Кавказе

Вид на гору Кольцо

Близ горы Кольцо

Вид с горы Кольцо

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ И РЕДКО УПОТРЕБЛЯЕМЫХ СЛОВ:

Адамант – алмаз, бриллиант

Алыча – южное плодовое дерево, близкое к сливе

Аул – селение (на Кавказе, в Средней Азии)

Балалайка – русский народный трёхструнный щипковый музыкальный инструмент с деревянным треугольным или полусферическим корпусом и длинным грифом

Барбарис – род колючего кустарникового растения с маленькими продолговатыми кислыми красными ягодами

Бирюза - драгоценный камень, непрозрачный, голубого или зеленоватого цвета

Бут – строительный камень неправильной формы

Вежды – глазные веки

Вензель – чьи-нибудь инициалы, красиво переплетённые, написанные вязью

Галоп – бег, аллюр, при котором лошадь идёт вскачь

Гарус – род мягкой крученой шерстяной пряжи, род хлопчатобумажной ткани, на ощупь похожей на шерстяную

Гарцевать – ездить верхом, красуясь и показывая свою ловкость

Глашатай – вестник, объявлявший народу официальные известия

Гондола – венецианская лодка с каютой

Горний – находящийся в вышине, нравственно-возвышенный

Граб – лиственное дерево одного семейства с берёзой

Дамасская сталь – узорчатая сталь, вывозилась в виде клинков из Дамаска

Дервиш – мусульманский нищенствующий монах

Десница – правая рука

Джигит – искусный, ловкий наездник (на Кавказе)

Длань – рука, ладонь

Дож – глава республики в средневековой Венеции и Генуе

Дреколье – дубины, палки, колья, употребляемые в качестве оружия

Жемчуг – драгоценное перламутровое вещество, образующееся в раковинах некоторых моллюсков, имеющее форму крупных зёрен или шариков белого, жёлтого, реже чёрного цвета с разнообразными переливами и оттенками

Изумруд – драгоценный прозрачный камень ярко-зелёного цвета

Иноходец – лошадь, которая бежит иноходью, то есть аллюром, при котором она одновременно выносит сначала обе правые ноги, потом обе левые

Искони – издавна, с незапамятных времён

Исполать – хвала, слава (в восклицательном обращении)

Камыль – адыгейский духовой музыкальный инструмент, напоминающий флейту; использовался для исполнения различных

наигрышей, песен и для аккомпанемента молодёжным хороводным танцам

Карагач – южное дерево, особая порода ильма (вяза); некоторым деревьям этого вида с глубокой древности до наших дней придаётся сакральное значение, то есть дерево считается священным, обрядовым, целительным и т.д.

Каурый – светло-каштановый, рыжеватый

Квёлый – слабый, хилый, мягкий

Кизил – кустарник со съедобными красными ягодами и красной древесиной

Колье - ожерелье с драгоценными украшениями, подвесками

Круп – часть туловища лошади от спины до хвоста

Кугиклы – духовой музыкальный инструмент, русская разновидность многоствольчатой флейты, состоит из 3 – 5 трубок одного диаметра, но разной длины

Кульминация – точка высшего подъёма, высшего напряжения

Кунак – у кавказских горцев – лицо, связанное с кем-нибудь обязательством взаимного гостеприимства и дружбы; друг, приятель

Куртина – клумба, цветочная грядка в саду; часть крепостного вала между бастионами

Кушак – пояс, обычно широкий, матерчатый

Лазурит – минерал синего, голубовато-серого, сине-зелёного цвета, в древности очень ценился как поделочный камень, считался камнем искренности

Лакколиты – массы лавы, застывшие внутри земной коры и куполообразно приподнявшие покрывавшие лаву слои

Лал – рубин

Ланиты – щёки

Лезгинка – быстрый кавказский народный танец-соревнование, демонстрирующий ловкость, виртуозность, неутомимость танцовщиков, а также музыка к нему

Лета – в греческой мифологии – река забвения

Ложки – русский народный музыкальный инструмент, издающий чёткий, звонкий звук; игровой комплект составляет от 3 до 5 ложек

Мандолина – струнный щипковый музыкальный инструмент с овальным корпусом, на котором играют плектром

Менестрель – в средние века – странствующий поэт-музыкант

Монисто – ожерелье из бус, монет или каких-нибудь разноцветных камней

Нукер – телохранитель хана

Палестина – местность, край

Подпруга – широкий ремень у седла и седёлки, который затягивается под брюхом у лошади

Посконный – домотканый холст из волокна мужской особи конопли с более тонким стеблем – поскони

Посул – обещание

Пыжатка – русский народный музыкальный инструмент, деревянная флейта

Радетель – человек, проявляющий усердие к чему-нибудь, радеющий

Ревнитель – человек, усердно и искренне старающийся принести пользу какому-нибудь делу, поборник чего-нибудь

Ретивое – в народной словесности: сердце

Рожок – древнерусский деревянный пастушеский инструмент, ведущий историю от ратных рогов и труб

Рубин – драгоценный камень красного цвета

Сакля – хижина, жилище кавказских горцев

Саламури – грузинский духовой музыкальный инструмент типа флейты со свистковым устройством, изготовленный из дерева или камыша

Сапфир – драгоценный камень синего или зелёного цвета

Свирель – русский двуствольный духовой инструмент, род продольной флейты

Серна – род горной антилопы с вертикальными, загнутыми на конце рогами, дикая коза

Слюда – прозрачный материал сложного состава, обычно слоистый

Сторицей – во много раз больше

Тать – вор, грабитель

Тремоло – очень быстрое повторение, повторное чередование одного или нескольких звуков, производящее впечатление дрожания

Трещётки – русский народный самозвучащий музыкальный инструмент, состоит из тонких дощечек, которые надеты на шнур или ремешок и отделены одна от другой узкими планками

Тумен – (по-русски ***тьма***) – подразделение кочевого ханского войска, десять тысяч всадников

Тутовник (шелковица) – южное дерево с небольшими сладкими чёрными ягодами

Узел – мера скорости, определяемая числом морских миль, проходимых кораблём в один час

Ушат – небольшая кадка с ушами

Хан – титул правителя, владетельного лица в некоторых восточных странах

Худоба – имущество

Цимбалы – струнный ударный инструмент, издающий нежный, звенящий звук, на котором играют деревянными молоточками

Чадра – у мусульман женское лёгкое покрывало во весь рост, закрывающее голову и лицо (кроме глаз) и спускавшееся по плечам вниз

Червонное золото - золото высокой пробы, имеющее красноватый оттенок

Черкеска – распашной однобортный кафтан без ворота у горцев, в талию, ниже колен, с длинными, широкими рукавами, со сборками и складками, подпоясывается узким ремнём; такая одежда заимствована была у горцев терскими и кубанскими казаками

Чинара – дерево семейства платановых с широкими лапчатыми листьями

Шенкель – обращённая к лошади часть ноги всадника от колена до щиколотки, помогающая управлять лошадью

Шичепшин – адыгейский народный струнный смычковый музыкальный инструмент; был популярен вплоть до конца XIX века, использовался для аккомпанемента сольному и хоровому пению преимущественно мужчинами

Шорник – мастер по изготовлению шорных изделий – ременной упряжи, сёдел, уздечек и других подобных кожаных изделий

Шпора – изогнутая по форме каблука стальная дужка с колёсиком на конце, прикрепляемая к сапогу всадника и служащая для понукания лошади

Эманация – излучение, испускание лучей радиоактивными веществами

Юдоль земная – жизненный путь, жизнь с её заботами и печалями

Яхонт – старинное название рубина и сапфира

Яшма - горная порода, разновидность кварца с узорчатыми прожилками

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3

В объятиях Кавказа 5

Размышления о поэме «Сказы Кавказа» 5

Замок Любви 15

Карагач 45

Кольцо 77

Словарь устаревших и редко употребляемых слов: 115

Литературно-художественное издание

МИНКИНА Ирина Семеновна

СКАЗЫ КАВКАЗА

Иллюстрации – Минеев Виктор Михайлович

Фото – Пулин Владимир Геннадьевич,
Минкина Ирина Семеновна

Компьютерная верстка – Кармазина Олеся

Подписано в печать _____.
Формат 60x84/16. Бумага мелованая. Печать офсетная.
Объем 7,2 усл. печ. л. Тираж _____ экз. Заказ № _____.

Издательство ООО «Офорт».
443080, г. Самара, ул. Революционная, 70, литера П.
Тел.: 372-00-56, 372-00-57.

Отпечатано в типографии ООО «Офорт».